

Провиски
по
музыкам

Эмбер Л. Джонсон

Пролог

Все начинается с парня.

Все начинается с парня и заканчивается им же, но в какой истории такого нет?

В моих глазах он — одна из самых потрясающих личностей, которых я когда-либо встречала.

И, может, некоторые люди скажут, что я любила его слишком сильно и потеряла себя в этой любви, но все, что я знала об отношениях это то, что в паре всегда есть такой человек.

Прошлой ночью мой мирок был таким маленьким, укутанным во все, что с ним связано, и вот сейчас он замер.

Я не могу спать.

Мне нужно сделать что-то.

Я решила написать об этом от начала и до конца. Как мы пришли к этому.

Это моя история. Наша история.

Она о потрясающем парне, который изменил мое мнение обо всем, изменил мои мысли, изменил мое представление о жизни.

И, возможно, я помогла ему изменить его мир.

Вот она.

Это вам не заурядная сказочка. Это не какой-то дамский роман. Я даже вовсе не буду обозначать это как роман.

Просто потому, что я не из тех людей, которые влюбляются.

Как и парень, по которому я схожу с ума.

Меня зовут Лили Грэйс Эванс и это правдивая история, как влюбиться в парня, который заставил меня поверить, что любовь — это не только стереотипы и какие-то стандарты.

Любовь, для тех счастливиц, кто испытал ее. Это что-то неподдающееся описанию, что-то потрясающе волшебное.

1 глава

Я не должна была встретить его.

Моя лучшая подруга Харпер сказала, что она больше не сможет подрабатывать няней по средам, когда проходят молитвенные встречи, так как она была настолько глупа, что умудрилась усадить трехлетнего ребенка на подоконник всего лишь прикрытого окна. Бедный малыш едва не погиб, когда прислонившись вывалился, повиснув на руках.

Такое ни в коем случае недопустимо и, да поможет вам Бог, если это происходит в Аллентауне штата Пенсильвания.

К счастью все обошлось, но наш пастырь был вовлечен в это дело, и предположил, что она не слишком хорошо подходит для этой работы.

Вот так я попала на ее место.

Я появилась в доме у Нили, и, пока моя мама была занята приготовлением мясных биточков, меня провели в комнату, сто процентов принадлежащую парню.

Это был первый раз, когда я встретила Колтона Нили.

Девятилетнего мальчика.

У него были коротко стриженные каштанового цвета волосы и глаза, смотрящие куда угодно, только не на меня.

Комната была завалена раскрасками, всякими художественными принадлежностями и красками. И поездами.

Боже мой! Даже не спрашивайте меня насчет поездов... Они были везде, и в каждом углу валялись детали от них.

Он занимался разукрашиванием все те два часа, что я была с ним.

Иногда у меня даже возникала мысль, что мне ничего не заплатят. Что я просто сижу с мальчиком, с которым мы почти ровесники, пока наши родители находятся в соседней комнате.

Но мне все-таки заплатили.

Я подсмотрела его уже наполовину разукрашенную картинку в раскраске, которую он наотрез отказался мне показывать, и мягко взяла его за руку, тем самым заставив его оторваться от рисования.

- Тебе нужно разукрашивать внутри линий, вот они для чего! — предостерегла я его таким менторским тоном, на который только была способна десятилетняя девочка с комплексом превосходства.

Понимаете, я верю, что о человеке можно многое сказать по тому, какие цвета он использует.

И я привыкла думать, что бывает два вида художников: те, которые рисуют внутри линий, и те, кто выходят за четко очерченные черные контуры.

Да, линии внутри и снаружи рисунка — это основной принцип для сравнения. Есть еще, конечно, те, которые рисуют светлее внутри и более насыщенными оттенками ближе к контуру и наоборот — они играют оттенками.

И есть те, которые рисуют неправильными цветами. Иногда эти люди рисуют сиреневых индеек и всякое подобное дерьмо, которое приводит меня просто в капец какое бешенство.

Серьезно?!... Сиреневые индейки?!

И еще есть те, которые тщательно подбирают цвета, выверяя каждый свой шаг перед тем, как нанести цвет на рисунок. Им реально кажется, что что-то зависит от того, какого цвета будут глаза у пони на рисунке.

Или те, которые специально на морде медведя рисуют прыщи, и в итоге получается медведь с ветрянкой.

Понимаете, куда я веду? Общество учит нас быть в границах или вне их. Но ведь столько всего есть между ними.

Я хотела исправить Колтона, чтобы он стал таким же, как все.

Он не оторвал свой взгляд от рисунка, и не посмотрел на меня, но быстро высвободил свою руку из моего захвата.

— Ты злая, — прошептал он, и продолжил рисовать вне линий, при этом еще проводя своими маленькими пальчиками по рисунку, выравнивая цвет.

Это были первые слова, которые он сказал мне, и они отпечатались у меня в памяти навсегда.

Была ли я злой?

Я не люблю, когда люди злятся на меня или не любят меня, поэтому всегда стремлюсь всем нравиться.

— Не хочешь пойти на улицу? — спросила я, опасаясь, что он скажет моей маме, что я обидела его.

— Там дождь, — ответил он так, как будто был взрослым, а я маленьким глупым ребенком.

Я поняла, что Колтон не собирается облегчать мне работу. Но я собиралась получить свои 15 баксов. И решила сделать так, что он расскажет своей маме, какая я классная и как ему со мной понравилось.

— Там не такой уж и сильный дождь.

— Моя мама сказала, что мне нельзя.

— Никто не заметит! Давай! Пойдем, выйдем на улицу.

И это был первый раз, когда я смогла заставить его сделать то, в чем он не был уверен на сто процентов.

В тот дождливый летний день мы вышли на улицу. Он смотрел на небо широко открытыми ясными голубыми глазами, которые казались слишком взрослыми для его возраста, и он пробормотал что-то о том, что существует вероятность, что нас может шарахнуть молнией.

Но я не обращала особого внимания на то, что он там бормочет. Все мое внимание было приковано к горке с песком на их заднем дворе. И я решила незамедлительно с нее съехать, потому что я всегда хотела быть, как крутые девчонки из телевизора.

И первый мой шаг к становлению моей крутизны — это съехать с горки!

Под дождем. Будем называть это «подготовкой».

Колтон подбежал ко мне, размахивая руками, остановился возле горки, и стал отчаянно пыхтеть и сопеть, пытаясь забраться вслед за мной по скользкому металлу:

— Ты можешь пораниться.

Я закатила глаза:

— Все в порядке!

Когда первая молния ударила в дерево в нескольких метрах от нас, я как раз готовилась съехать с горки. А бедный маленький Колтон закрыл уши руками, и даже подпрыгнул в воздухе.

Я с любопытством наблюдала, как он развернулся в сторону дома, и до смешного быстро перебежал задний двор, крича от страха и ловко перепрыгивая на бегу метровые лужи.

Он оставил меня одну на металлической горке. Одну.

Где в меня попала молния...

Ну, не в меня, а в горку.

Я как раз держалась за металлический поручень, спускаясь, и тогда-то молния и ударила.

Через все мое тело прошел ток, и меня так тряхнуло от силы удара, что я отпустила поручень, и упала в грязь, после чего потеряла сознание.

Очнулась я уже в больнице, и уже там моя мама поведала мне о том, что Колтон испугался за меня, его и моя мама получили от него достаточно информации, чтобы составить представление о том, что произошло, и где я нахожусь. Там они и нашли меня, лежащую в грязи без сознания.

Они обе впали в панику. Но, к счастью для меня, я выжила.

Колтон спас мне жизнь.

Когда он пришел со своей мамой проведать меня в больнице, Шейла смотрела на меня так, словно я была самым удивительным существом в мире, потому что я смогла выжить

после удара молнией.

И кстати я получила великолепный шрам за свой эксперимент.

Доктор сказал, что это называется «фигуры Лихтенберга»* (*иногда называются «лихтенберговы фигуры»): картины (узоры) распределения искровых каналов, образующиеся на поверхности твердого диэлектрика при скользящем искровом разряде, а также на коже жертв удара молнии. Впервые наблюдались немецким ученым Г. К. Лихтенбергом в 1777).

Кожа на узоре ожога темнее кожи вокруг, а шрам выглядел, как три корня дерева, начинался от плеча, и тянулся до середины руки.

Я была очарована им в то время. Видимо, и Колтон тоже.

Сейчас — это просто узор на моем теле. Часть меня. Иногда я вообще забываю о его существовании.

Но вернемся обратно к истории.

Он остался со мной в палате на полчаса, не разговаривая и ничего не делая, просто смотрел на меня, точнее на мою отметку, которая, как я надеялась, делала меня реально крутой девчонкой.

Перед своим же уходом он достал сложенный листок бумаги из кармана и протянул его мне, подарил мне легкую улыбку, и помахал на прощание, а затем вышел вслед за своей мамой.

На этом листике был самый потрясающий рисунок, который я когда-либо видела.

И вместо того, чтобы почувствовать себя лучше, мне стало только хуже. Потому что только за день до этого я сомневалась в его таланте, и говорила о том, чтобы он рисовал, не выходя за линии.

Я виделась с Колтоном под предлогом заработка денег на карманные расходы, чтобы я сидела с некоторыми детьми от церкви.

Но каждый раз, когда я появлялась в доме, мы были только вдвоем.

Мне было любопытно, почему мне платили за то, чтобы я в первую очередь тусовалась с Колтоном.

И я именно это имею в виду, серьезно!

Вы могли бы подумать, что после того, как я чуть не умерла, меня перестали приглашать сидеть с ним.

Но вы ошибаетесь, и, видимо, его мама не усвоила урок.

Я уверена, она считала, что ее сын слишком хороший и умный, и мы больше не будем вляпываться в неприятности, но она не учла только одного...

Я-то не такая!

Колтон был практически идеален.

Он тихий, отчужденный, всегда следил за своими манерами и движениями.

Ребенком он был полностью поглощен рисованием и раскрашиванием, он даже начал раскрашивать комнату, которую его отец освободил над гаражом.

Но мне-то не хотелось расукрашивать или собирать поезда. Я устала расукрашивать! Я хотела играть, понимаете?

Надо сказать, что, возможно, он перестал мне доверять после того, как я весь день каталась и скользила по мраморному полу.

Или когда случайно запутала жвачку у себя в волосах, и попросила его помочь мне избавиться от нее. В результате, мне состригли значительную часть волос с левой стороны.

Или тогда, когда я решила его научить спускаться на матраце вниз по лестнице, хотя он был решительно настроен против.

Вот я и решила ему показать, что на самом деле это очень весело.

Я посмотрела на Колтона, залезла на матрац, оттолкнулась от вершины лестницы, и полетела вниз.

Только вот...

Да, матрац не полетел за мной, а так и остался на вершине лестницы.

В полете, если это можно так назвать, я перевернулась на спину, а при приземлении так сильно ударилась головой о дверной косяк, что получила сотрясение.

Именно Колтону пришлось вытаскивать меня из-под матраца потому, что тот задержался лишь на пять секунд от моего «отрыва в полет». После чего Колтон позвал наших мам, и уже они вызвали для меня скорую. По дороге в больницу меня стошнило зеленым хот-догом и чем-то еще невообразимым.

Как только мне стало немного лучше, а мысли слегка прояснились, чтобы внятно говорить с мамой, я сказала ей, что это только моя вина.

Забавно, но она мне поверила.

К тому времени, когда Колтон и его мама вновь пришли навестить меня в больнице, стало ясно, что я больше не буду приходить к ним по средам.

Они сменили церковь.

И только после всех этих происшествий, его мама поняла, что я просто не способна держаться от неприятностей как можно дальше. Превосходно!

Так или иначе, в тот день Колтон был даже более тихий, чем обычно.

Он вообще едва взглянул на меня, пока был в палате, но перед своим уходом он подарил еще один рисунок. И я скажу вам, что он был еще прекраснее, чем предыдущий, потому что вся страница была в ярких цветах.

Он почесал волосы, спрятанные под своей любимой кепкой, и прошептал:

— Пока, Лили.

Я помахала ему вслед, глубоко в душе понимая, что, возможно, это последний раз, когда я его вижу, и следующий раз будет не скоро.

И я была права.

Миссис Нили разговаривала с моей мамой наедине, разговор был не для чужих ушей, но я все равно слышала обрывки фраз.

В тот момент ее слова не имели никакого смысла для меня.

Зато имеют сейчас.

Ушло пять лет на то, чтобы я смогла понять, что именно так отличает Колтона Нили от других детей, и почему его мама была расстроена, что не может найти для него друзей.

Глава 2

Когда я была младше, то всегда думала, что все люди — одинаковые.

Так что я не очень расстроилась, что Колтон исчез.

Он просто был очередным ребенком, с которым я тусовалась, а потом... А потом перестала. Он стал еще одним ребенком, с которым я была знакома.

Прошло пара-тройка лет, и я вообще перестала о нем вспоминать.

Харпер и я выросли из девочек, которые играли с мальчиками, в девочек, которые хотели привлечь внимание мальчиков.

Она флиртовала, а я смеялась над тем, как это было очевидно. Но, несмотря на все, я реально хотела иметь такую же уверенность в себе, которой у меня на самом деле не было.

Не было до тех пор, пока мои родители не заставили меня отправиться в поход, и я поняла, что тоже могу привлекать внимание парней.

И оказалось, что это мне не особо нравилось.

Я отбивалась изо всех сил. Мне хотелось быть дома, читать книги и смотреть телевизор, зависать с Харпер или заниматься чем-то еще, например, проводить время в кругу семьи. Хотя когда я была с ними, то постоянно хмурилась, и всегда была в наушниках, раздраженная тем, что я недостаточно взрослая, чтобы самостоятельно принимать решения.

Пока родители гуляли, я же пошла на пляж с книжкой в одной руке и наушниками в другой. Мне нужно было немного загореть, потому что я была практически прозрачной. Но вместо этого, я встретила мальчика по имени Рори.

Он плескался в воде, очевидно, отлично проводя время, как оказалось, со своей младшей сестренкой.

Она была меньше впечатлена купанием, и ныла на счет того, что не хочет находиться в воде, но я не могла не отметить, как мило они смотрелись вместе.

Я поймала взгляд Рори потому, что он постоянно смотрел на меня.

Поначалу я подумала, что он смотрел на мой шрам — по мере моего взросления я стала немного его стесняться. Но он не смотрел на шрам. Он смотрел прямо на меня, как сталкер.

Вы знаете, как это бывает.

Это неловкий взгляд, который заставляет тебя ерзать и оглядываться по сторонам, чтобы убедиться, что какая-нибудь супермодель не сидит за тобой и не приковывает к себе все мужское внимание. Я продолжала сидеть на своем пляжном полотенце, думая, что это в какой-то степени круто, что мальчик со слегка растрепанными каштановыми волосами смотрит на меня.

В итоге, когда жара стала невыносимой, я решила немного искупаться, но сразу же была обрызгана водой его раздраженной маленькой сестричкой.

Симпатичный парень избегал зрительного контакта со мной, когда стал строго выговаривать сестренке:

— Пэнни, немедленно извинись! — он указал в мою сторону, и я замерла, потому что он действительно следил за мной, и это слегка выбило меня из колеи.

— Все в порядке, — я махнула рукой и покачала головой.

Он повернулся, и улыбнулся мне, проводя руками по своим волосам, и тогда я поняла, что у него светло-зеленые глаза.

За всю мою подростковую жизнь я еще никогда не видела таких глаз — они были поразительно светлыми, и выделялись еще больше на фоне его загорелой кожи.

Это был первый раз, когда я почувствовала, что мое сердце трепещет, но еще была странная реакция у меня в животе, такое ощущение как будто меня тошнит.

Он представился мне, и следующие несколько часов мы провели вместе, игнорируя Пэнни и развлекаясь в воде. А перед тем, как вернуться к себе в палатку, мы подошли к моим пляжным принадлежностям, и я поняла, что у милого Рори... Стояк.

Он был в пляжных плавках.

Он указывал прямо на меня и, боже мой, он напугал меня до чертиков. Я не могла не смотреть на него с широко распахнутыми глазами и открытым ртом, стараясь не указывать пальцем.

Поэтому я быстро собрала свои вещи и рванула к палатке, гадая, все ли парни такие. Обречена ли я на жизнь с неконтролируемыми стояками у хорошеньких мальчиков со светло-зелеными глазами и эрекцией, указывающей прямо на меня.

В конечном итоге, Рори нашел меня и пару раз попытался потусоваться со мной, но я всегда находила поводы, чтобы находиться подальше от него.

Я даже пошла на отчаянный шаг, и стала проводить время с отцом.

В последний день нашего пребывания Рори передал мне записку со своим номером телефона и просьбой перезвонить. И предложением стать его девушкой.

Но это было неправильно.

Аналогично я ощущала себя и в последующие два года. Я встречала кучу парней, которые, я думаю, были довольно милыми, но они никогда не разжигали во мне той самой искры, только платоническую.

И я сосредоточилась на дружбе с парнями.

Даже пару раз помогала Харпер в ее играх на поцелуй, но мне было пофиг. Парни прикольные, но только, чтобы тусоваться, и не более того. И поэтому я чувствовала необъяснимую пустоту внутри.

Чего-то не хватало.

Знаете, это чувство, когда вы как будто что-то забыли? Когда вы пакуете вещи для поездки, и уже в самолете понимаете, что забыли дома одну из самых важных вещей... Например, свой телефон?

Ага.

Я чувствую это уже многие годы. Годы!

Летом, когда мне исполнилось пятнадцать, я поняла, чего мне не хватало.

Как-то после обеда моя мама подбросила нас с Харпер на одну из этих странных ярмарок в соседний городок.

Я просто хотела купить и съесть кусочек пирога, Харпер же охотилась на симпатичных парней.

Мы ходили по рядам, от палатки к палатке, я была в восторге от всех этих вещей, прикольных и креативных штучек, чего нельзя было сказать о Харпер.

Она собрала свои длинные светлые волосы в хвостик и надела юбку, которая была настолько короткая, что чуть ли не показывала ее нижнее белье. Ее длина чуть не довела мою маму до тахикардии во время поездки.

Харпер сосала леденец, словно ей заплатили, чтобы она делала это как порно-звезда, и ей было ужасно скучно. Она закатила свои голубые глаза, как только свернула к палатке, полной украшений:

— Пошли! Позвоним твоей маме и скажем, чтобы она нас забрала. Тут отстоооой!

Я засмеялась, и тряхнула головой, кладя на место бумажный цветок, который разглядывала в этот момент:

— Мы только приехали сюда.

— А мне уже скучно!

— Хорошо, — я повернулась, и повела ее к выходу, когда увидела толпу людей у одной из выставочных палаток.

Палатка была светлого цвета, и там повсюду были произведения искусства.

И мне вдруг резко расхотелось уходить.

А все потому, что как раз среди толпы, окружавшей палатку, был никто иной, как Колтон Нили.

Он значительно вырос. Его волосы стали темнее, чем были тогда, когда я его видела последний раз, но я узнала бы его глаза, даже с расстояния в несколько метров.

Они бы заставили Рори устыдиться.

Такое чувство, что я не могла двинуться, и была не в силах отвести от него взгляда.

Но я боялась к нему приблизиться... Вдруг он не узнает меня?

Пытаясь вести себя непринужденно, я, проскользнув в гущу толпы, сделала вид, что меня очень заинтересовали работы, которые были в палатке.

Они были впечатляющие!

Не поймите меня неправильно, но присутствие Колтона рядом со мной, всего лишь на расстоянии в несколько шагов от него, заставило мои пятнадцатилетние гормоны разбушеваться.

Краем глаза я наблюдала за ним, и отметила, что он стал намного привлекательней того маленького мальчика, который когда-то спас мне жизнь несколько лет назад.

Он стал выше и стройнее, как мне показалось, стал почти худой.

Это заставило мое сердце болезненно сжаться — быть так близко к нему и даже не иметь возможности заговорить с ним...

Харпер наконец-то нашла себе парня, с которым начала болтать и флиртовать, и это позволило мне спокойно постоять около палатки Колтона.

Его работы были прекрасными, и я не смогла сдержать улыбку, когда рассматривала их.

И тогда...

Я просто приросла к месту перед картиной, настолько великолепная она была.

Широкие линии покрывали каждый дюйм холста, соединяясь вместе, они создавали новые цвета и тени, каких я никогда не видела раньше. Я просто стояла и рассматривала его картины с открытым ртом и в тихом недоумении.

И в этот момент я услышала рядом со своим ухом:

— Лили?

Должна признаться, что звук его голоса отозвался у меня внутри ассоциациями с легким бумажным самолетиком. Я повернулась и улыбнулась, глядя в его лицо.

Возможно, моя улыбка вышла слишком широкой:

— Привет, Колтон!

Боже!

Вы вообще представляете, что творилось у меня внутри?!

Будто рождественские огни упали в лужу!

Я почувствовала электрические разряды, пробегающие по мне от его пристального взгляда.

Эти глаза, до сих пор такие доверчивые, такие внимательные, что я стояла молча и смотрела в них.

— Они потрясающие, — я попыталась сделать ему комплимент, но похоже он не был впечатлен моей похвалой. — Ты продаешь их?

Да, глупый вопрос. Но я была молода, и напугана симпатичным парнем.

— Да.

— Круто...

О, да! Я всегда знала, что я — великий переговорщик.

Как раз в это время миссис Нили подозвала Колтона к потенциальному покупателю, а я осталась стоять, как идиотка, и старалась не опереться на что-либо рядом, чтобы не снести всю палатку.

В тот момент, когда я уже хотела уйти, он снова внезапно подошел ко мне с очень сосредоточенным выражением лица:

— Не хочешь пройтись?

Ага, можно подумать, будто я скажу «нет».

Мой мозг был в восторге от него!

Мы вышли через задний вход палатки, между другими продавцами, и дошли до края леса. В пятидесяти футах были железнодорожные пути, которые проходили через эту местность. Раньше я никогда не обращала на них внимания, но после этого дня звук гудка поезда будет всегда напоминать мне об этом дне.

- Как ты поживаешь? — спросила я, рассматривая деревья вокруг меня, и стараясь не смотреть на него. Внезапно я почему-то почувствовала себя неуверенно.

Он не ответил мне, поэтому я остановилась и обернулась, чтобы наконец-то посмотреть на него, так как его не было рядом со мной. Оказалось, Колтон был занят тем, что, опустившись на колени, с очень близкого расстояния рассматривал маленькую клумбу цветов.

Я вернулась к нему, и опустилась на колени рядом с ним, смотря на цветы в клумбе.

Колтон какое-то время был сосредоточен на цветах, пока, наконец-то, не повернулся, и не опустил свой взгляд на мои губы:

— Ты знаешь, что твое имя означает «прекрасная»?

Мой рот, должно быть, открылся, потому что в горле моментально пересохло, язык как-то странно онемел, и я не смогла вымолвить ни слова.

Он снова стал рассматривать цветы, и прошептал:

- Прекрасная благодать. Я смотрел, — он так быстро отвел взгляд, что это заставило мои щеки покраснеть, а ладони вспотеть.

Он непреднамеренно сказал мне, что я прекрасная.

И я как бы поверила ему.

Даже несмотря на шрам на моей руке, из-за которого меня дразнили на протяжении многих лет, и отчего я чувствовала себя уродкой. Хотя я была такой же привлекательной, как и моя лучшая подруга.

В последующем, мне нравилось вспоминать этот момент на ярмарке, и вспоминать ощущения того дня.

Мы практически не разговаривали с Колтоном — большую часть времени он пристально смотрел на меня, и наблюдал за мной, казалось, целую вечность.

В конечном итоге я больше не могла вынести эту неловкую тишину:

— Так ты теперь великий, знаменитый художник, ммм..?

Я прекрасно помню, какие влажные у меня тогда были ладони.

Колтон в друг остановился, его руки были в карманах его джинс, а взгляд был устремлен куда-то над нашими головами.

В этот момент мне безумно захотелось прикоснуться к нему или просто быть настолько близко к нему, чтобы он хотя бы случайно задел мою руку.

Я чертовски нервничала по этому поводу, и не могла сообразить хотя бы одно связное предложение, чтобы спасти себя.

На секунду мне показалось, что он собирается приблизиться ко мне и взять меня за руку, но как только его рука поднялась, он отступил назад.

По сути это было все то время, что мы провели вместе прежде, чем небольшой состав поезда с грохотом проехал по рельсам, и Колтон закрыл свои уши также, как и тогда под дождем.

Его глаза были плотно закрыты, и, когда поезд наконец-то проехал мимо нас, я услышала, как его мама зовет его.

И я услышала в ее голосе хорошо различимое отчаяние.

Он опустил руки и пошел в ее направлении словно на автопилоте.

Я отступила назад, мои чувства были сильно задеты, потому что выходило так, как будто он сбежал от меня при первой же возможности.

В конце концов все сводилось ко мне.

Я вышла из леса и пошла обратно к его палатке, теребя край своей кофты, в то время как мой мозг вопил, что если бы на моем месте был кто-то посимпатичнее, как, например, моя лучшая подруга, то он, скорее всего, не оставил бы меня там.

Я нашла Харпер недалеко от того места, где оставила ее, и она точно целовалась с парнем, который подкатил к ней прежде, чем я ушла на прогулку.

Он был худым и высоким, его штаны сидели так низко, что еще чуть-чуть и у нас бы появилась реальная возможность увидеть его задницу.

Она целовала его смачно и неуклюже, в то время как его руки пробрались к ней под юбку. Я скривилась от увиденного.

Я как можно громче прочистила горло, и она немного отодвинулась от него — достаточно для того, чтобы улыбнуться мне и надуть розовый пузырь из жвачки.

— Ты готова идти? — спросила я, стараясь смотреть только на нее, а не на палатку.

Будто для всех в радиусе пяти метров не было очевидным, что я смотрела куда угодно, только не на палатку с красивыми картинками слева от меня.

Выглядело забавным то, как я смотрела на нее, а затем быстро оглядывалась по сторонам, пока не убеждалась, что осмотрела все сверху до низу, и не переходила на другую сторону.

Не было забавным только то, что я изо всех сил старалась не расплакаться.

Харпер представила меня своему новому партнеру Клэю.

И как бы мне не нравилось его общество, я была благодарна ему сейчас. Потому что у него была ценная для меня информация.

Клэй посмотрел меня и скорее всего заметил, что я принципиально не смотрю на палатку Колтона. Он переводил взгляд с меня на палатку по крайней мере раз десять прежде, чем, облизав свои губы, кивнул головой в сторону палатки:

- Как вам этот паренек?

Я уже почти оглянулась через плечо, но вовремя остановила себя от этой роковой ошибки.

— Кто? — спросила Харпер.

Клэй указал на палатку, и я хотела пнуть его в промежность, потому что все станет

отлично понятным всем, если я не прослежу за его движением.

Поэтому мы все повернулись лицом к палатке, и я прикусила свой язык, чтобы не ляпнуть что-нибудь глупое.

— Ребенок Нили рисует все эти сумасшедшие картины, и продает их по бешеным ценам.

Глаза Харпер широко раскрылись, и она повернулась ко мне:

— Парнишка, который спас тебе жизнь? Колтон, да?

Клэй кивнул:

— Он кто-то вроде гения в изобразительном искусстве.

— Что это значит? — спросила я не потому, что я — идиотка, а потому, что он как-то странно об этом говорит.

Клэй послал мне взгляд, обозначающий, что я тупица, который заставил меня захотеть засунуть его в бетономешалку и смотреть, как он там крутится, снова и снова, и снова...

Что? А то вы не смотрите поздние передачи по НВО* (*HomeBoxOffice — американская кабельная и спутниковая телевизионная сеть, продукцией которой являются преимущественно телесериалы, например, «Клан Сопрано», «Клиент всегда мертв», «Игра престолов») на минимальном звуке, чтоб ваши родители не знали.

Не врете!

— Это значит, что он гениально рисует или что-то типа того, — Клэй закатил глаза, и я добавила это к моему мысленному ужасу.

— Гении — умные, правильно? — Харпер разыгрывала из себя настоящую блондинку перед этим придурком.

— Ага, умные. Он еще и «особенный», — пальцами он изобразил кавычки.

— Особенный... Как... — я вообще не могла понять суть беседы, понимаете? — Тебе что, мама не говорила, что ты особенный? Моя мне говорила.

— Особенный, как не совсем нормальный, — ответила за него Харпер.

— Ты ненормальная. Кто вообще нормальный?

Кого волнует, что Колтон такой?

Он — герой моего романа!

— Он — аутист..., - выдал нам Клэй.

Но я слышала «творческий» (прим. пер. — игра слов «autistic» — аутист, и «artistic» — творческий) и послала ему взгляд: «Ты сейчас серьезно?»:

— Конечно, он творческий, он продает картины.

Клэй раздраженно что-то пробормотал и пошел к палатке.

Я покраснела, как только увидела, что он взял флайер с одного из столов и вернулся к нам, вручив его мне.

Это был первый раз, когда я слышала про Синдром Аспергера* (*Синдром Аспергера — одно из нарушений развития, характеризующееся серьезными трудностями в социальном взаимодействии, а также ограниченным, стереотипным, повторяющимся репертуаром интересов и занятий. От аутизма он отличается прежде всего тем, что речевые и когнитивные способности в целом остаются сохранными. Синдром часто характеризуется также выраженной неуклюжестью).

У Колтона Аспергер.

Аспергер.

Я повторила это слово миллион раз.

Это какое-то непонятное слово, правда?

Но я уверена, что есть много людей, которые знают это слово не понаслышке, и, к сожалению, я не одна из них.

Вы только представьте, я — пятнадцатилетняя девчонка со своими ежедневными глупыми сплетнями с Харпер, и вдруг я внезапно начинаю философствовать о разных типах аутизма и диапазоне нарушений в мире.

В основном мы с Харпер говорим о Модном Контроле (*телевизионное шоу) и прочей чепухе.

Но не о Колтоне и его диагнозе.

Я имею в виду, понятно, что он был многогранным человеком, и его картины невообразимо прекрасны.

Но я чувствовала, что если загуглю информацию об этом, то это будет выглядеть как мухлеж с моей стороны.

Есть много слов, которые могли бы меня охарактеризовать с годами: развитая не по годам, упрямая... Несокрушимая. Но я никогда не была любопытной.

Брошюра, которую я держу в руке, объясняет всю мельчайшую информацию, которая только существует, и я не могу заставить себя проверить это.

Он был обычным маленьким мальчиком, когда мы встретились. Как это возможно, что он другой?

Теперь-то я это лучше знаю. Я больше не так наивна. Но в то же время я не хочу быть такой.

Я чувствую, что меня тянет к нему, и я хочу узнать его ближе. Самостоятельно открыть его тайну.

Иногда мы сами отрицаем правду, в которую не хотим верить. Мы видим вещи такими, какими хотим их видеть.

Иногда мы выбираем жизнь в отрицании.

После ярмарки я ждала, пока мои родители заснут. Было около восьми часов и, давайте взглянем в лицо фактам, они уже старые, и после того как я убедилась, что они спят, я удрала через гараж.

Весь путь к его дому, который я проделала на своем велосипеде, я гадала, что же буду делать, когда доберусь до него. Мне просто хотелось увидеть его.

Не спрашивайте почему. Просто хотела.

Я помнила дорогу к его дому. Помнила дорогу к нему.

Я пробиралась через кусты у стен его дома, пока не очутилась напротив комнаты, которая была похожа на его комнату.

Это была та самая комната, из которой я в тот раз взяла матрац.

Освещения не было, и мое сердце вовсе перестало биться, а ужасное ощущение переполненного мочевого пузыря должно было заставить меня захотеть развернуться и бежать отсюда прочь.

Знаете, как трудно двигаться, когда вы так сильно хотите писать? Долбанные нервы.

Но вместо этого я пошла к другой стене, и, прижавшись к ней спиной, увидела, что в комнате над гаражом горит свет.

Так и было.

Глава 4

Он стоял в футе от меня, и я клянусь, что почти потеряла сознание.

Будто он был галлюцинацией, но я покончила с теми странными подростковыми шпучками, о которых рассказывают в новостях, и моя творческая часть взяла верх, делая его более высоким и более привлекательным, потому что именно так было в моих фантазиях.

Он был настолько реален.

Я просто уставилась на него на секунду. Громко выдохнула, и ждала, что прозвенит будильник, но этого не произошло.

— Колтон?... — это должно быть прозвучало как вопрос, потому что я услышала, как на последних буквах его имени мой голос стал немного выше, чем обычно, а я чертовски уверена, что не пыталась изобразить британский акцент, так что...

Да, это должно быть был вопрос.

Его взгляд метнулся ко мне, и он кивнул, возвращая свое внимание к бумагам в его руке.

— Привет.

Его плечи были напряжены, подбородок опущен к груди так, будто он задумался о чем-то. И также внезапно, как появился, он ушел, крепко сжимая лямки рюкзака в одной руке и листы бумаги в другой.

С того раза, когда я видела его последний раз, видимо, я стала немного сталкером, так что я не могла в полной мере бороться со своей натурой.

Поэтому, впервые увидев его в нашей школе, я не отрывала взгляда от его задницы, передвигаясь за ним в толпе, пока он не свернул в кабинет, на который раньше я бы никогда не обратила внимание.

В кабинете было уже довольно много студентов, которые сидели за столами и болтали друг с другом.

Ну, за исключением Колтона, который остановился на мгновение, а потом занял пустой стол в дальнем углу.

Прежде чем я смогла мысленно собраться и помахать ему, стоя у двери, и увидеть, обратит ли он на меня внимание, в коридоре за спиной я услышала тяжелые шаги и обернулась как раз вовремя, чтобы увидеть одного из выпускников-футболистов, поворачивающего за угол и остановившегося до того мгновения, как почти врезаться прямо в меня.

У него были почти белокурые волосы и большие глаза, которые были прищурены от смеха в ответ на мою отвисшую челюсть.

— Прости, — он улыбнулся, и немного покраснел, заходя в класс и здороваясь с друзьями.

Я была в некотором смущении.

Почему Сойер Грант — футбольный бог был в том же самом классе, что и Колтон?

Сойер мало был похож на Колтона...

Конечно, теперь я знаю, что это не так.

Теперь я знаю, что он дислексик* (*Дислексія (др. — греч. *δυσ-* приставка, означающая нарушение + *λέξις* — речь) — избирательное нарушение способности к овладению навыком

чтения и письма при сохранении общей способности к обучению. Исторически сложилось, что в западных странах в понятие дислексия включают все проблемы, связанные с письменной речью), и ему было нелегко заниматься в обычных классах.

И я знаю, что у Мариссы — худенькой девушки с волосами орехового цвета, которая пронеслась мимо меня, чтобы сесть рядом с ним, СДВГ* (*Синдром дефицита внимания и гиперактивности, аббр. СДВГ, неврологическо-поведенческое расстройство развития, начинающееся в детском возрасте. Проявляется такими симптомами, как трудности концентрации внимания, гиперактивность и плохо управляемая импульсивность. Также при неприспособленности к СДВГ у взрослых возможны снижение интеллекта и трудности с восприятием информации).

Но в тот день я еще ничего не знала до того момента, пока не прозвенел звонок, и учитель закрыл дверь с надписью комнаты: Ресурсы* (*возможен перевод как: запасы, ресурсы, средства, духовные ресурсы; внутреннее содержание человека, возможность, средство, способ. Подразумевается класс для обучения детей с индивидуальными особенностями)

Сказать, что я была в шоке, равносильно высказыванию, что мальчики не любят трогать грудь.

Преуменьшение!

Все они выглядели нормально.

Мне было интересно, почему мать Колтона отправила его в обычную школу? Он ведь был на домашнем обучении, не так ли?

Правда, я мало что о нем знала, учитывая то, что была эгоисткой и сконцентрирована на том, чтобы выглядеть как хороший человек. Но я все еще осуждала и критиковала те мысли.

Поскольку не каждый ребенок, который находится в тех классах, был стандартным и подходил под общепринятые мерки.

Некоторые приходят несколько раз в день. Некоторые ходят весь день.

Некоторые ходят на выборочные занятия.

Удивляюсь, насколько изменился мой мыслительный процесс с начала учебы в средней школе.

Я помню, что находилась в странном изумлении, когда пришла на первое занятие, и обнаружила, что Харпер игнорировала нашего учителя, и читала Космо потому, что по ее убеждению, он привлекал ее больше, чем Seventeen* (*имеется в виду молодежный журнал).

Что я могу сказать? Моя подружка немного... продвинутая.

— Ты опаздываешь, — прошептала она, а я пожала плечами, садясь на свое место и надеясь, что меня никто не заметил.

— Колтон Нили здесь.

Она засмеялась:

— Да, я слышала, что его зачислили. Он взял курс обучения искусству и еще какую-то фигню.

Если честно, я понятия не имею, почему он здесь. Но... Слухами земля полнится.

— Боже, откуда ты это все знаешь?

Она пожала плечами:

— У меня есть знакомства в корпусе администрации.

Все остальное внезапно потеряло смысл.

Эта мысль преследовала меня на протяжении всего оставшегося дня. И я едва признала Джозефа, когда он, схватив меня за руку, потянул к кафетерию. Мне пока не нужно было возвращаться к шкафчику, к тому же я чертовски нервничала.

Колтон же держался, будто едва знал меня.

Во время ланча, когда я боролась с ужасной нервной желудочной коликой, я слышала шепоты за столом, и подняла взгляд именно тогда, когда друзья Джозефа устали сидеть на тех, кто шел вдоль дальней стены подальше от большого скопления народа в центральной части кафетерия.

Это были те ребята, которых я видела в классе Колтона. Большинство ребят уже заняли свои обычные места.

Сейчас я была уверена, что я — единственная за нашим столом знала, что Соьер был в этом классе вместе с другими ребятами, поэтому я удивилась, когда он подошел к столу со своей подругой Квинн, как будто это было самой естественной для него вещью.

Марисса, я потом узнала об этом, была из другой компании по интересам, поэтому у меня никогда не было причины обращать на нее внимание, так вот она села за тот же стол. И, наконец, Колтон.

Джозеф, с его темными волосами и карими глазами, загорелой кожей, блеснул своими зубами, с которых недавно сняли брекеты, и наклонился ко мне:

— Ммм, посмотрите-ка, кто появился!

Вы бы видели, как я покраснела.

Ударив его по руке, я развернулась к нему, чтобы ответить:

— Не будь придурком! Ты даже его не знаешь!

На что он, подняв бровь, ответил:

— А ты знаешь?

Появилось ощущение, будто мои губы запечатали цементом.

— Просто заткнись, ладно? — я сказала это максимально спокойным тоном, и тотчас почувствовала себя ужасно.

Переполненная отвращением к себе, я отодвинулась от стола и, схватив сумку, пробормотала:

— Мне нужно сходить к шкафчику перед занятием.

Джозеф предложил проводить меня, но я отказалась, потому что мне нужна была минутка, чтобы отдышаться.

Он бесил меня. Я злилась на себя за то, что не ответила «да» на вопрос про Колтона.

Итак, я пошла по коридору к своему шкафчику и уже возле него, уткнувшись лбом в прохладный металл, размышляя, что мне делать.

— Лили?

Это был его голос.

О, Боже, как мне нравится его голос!

— Колтон... — я прислушивалась к тому, как он переминается с ноги на ногу в течение секунды, прежде чем набралась храбрости поднять взгляд.

Его взгляд был устремлен в пол, и словно после какой-то внутренней борьбы с самим собой, он вытащил руку из кармана джинсов и неуверенно протянул ее мне:

— Привет, я Колтон Нили.

Он посмотрел на меня, а затем его взгляд метнулся к его протянутой руке.

Я тихонько рассмеялась:

— Я знаю.

Но он не убирал руку, отчего я почувствовала себя глупо, поэтому протянула свою. Он вздрогнул при первом контакте наших ладоней, и отдернул руку, чтобы почесать ладонь, а затем взял мою руку и сжал.

Сильно сжал.

— Почему ты ведешь себя так, будто не знаешь меня? — спросила я его в то время, как мое сердце валялось на полу, расплываясь кашеобразной субстанцией.

Колтон отпустил мою руку и, засунув ее обратно в карман, слегка пожал плечами:

— Мой папа сказал быть вежливым и представиться. Он сказал, что я должен быть вежливым.

Именно тогда я поняла, как трудно все это было для него.

Он был несколько неуклюж и скромн.

- Ты всегда был вежливым, — прошептала я, ожидая, что он снова поднимет взгляд. — Даже когда спас меня от молнии.

Он резко поднял голову, и часто заморгал:

— Ты помнишь.

— Конечно, помню! Как это можно забыть?! Ты спас мою жизнь! — его глаза стали еще больше. — Дважды, — напомнила я ему.

И он улыбнулся.

Простая легкая улыбка, но это все, что мне было нужно прежде, чем он совершил длинный выдох, и снова опустил взгляд к полу:

— Ты вспомнила.

Затем образовалась тишина, и не буду лгать, это заставило меня чувствовать себя неуютно.

Итогом нашего разговора стало то, что я достала свои вещи из шкафчика и упаковала рюкзак, пока он молча стоял рядом.

В конце концов, я все-таки попыталась разрядить обстановку:

— Я давненько тебя не видела..., - язык его тела подсказал мне, что он занервничал.

— Краска... — его рот внезапно закрылся, и он снова уставился в пол.

— Краска? Твои картины?

Теперь это уже стало напоминать мне поход к стоматологу для

удаления зубов...

Его лицо стало серьезным:

— Я позволяю себе говорить о живописи лишь три раза в день, и я уже израсходовал эти три раза в течение первого урока.

Что-то в моей груди, когда он вернулся в мое сердце, сжалось, когда я посмотрел на него.

Он выглядел таким смущенным. Ему так сильно хотелось заниматься тем, что он привык делать.

Я подняла руку, чтобы прикоснуться к нему, но, так и не коснувшись его, сжала ее в кулак, и отдернула. Я взглянула на него, слегка наклонив голову:

— Если хочешь, то я никому не скажу.

Мой разум скандировал: «Скажи мне! Скажи мне! Скажи мне!».

Это эгоистично, но я хотела услышать его голос. Хотела услышать, как он говорит. Я

хотела услышать о его увлеченности тем, что он любил.

Без сомнения, это было лучшее предложение, которое когда-либо вырвалось из моего рта за мои семнадцать лет.

Он заговорил.

Боже мой!

Он говорил.

А я стояла там, как дурочка, улыбалась ему, пока он вздохнул и выдавал мне всю эту информацию, так быстро и взволнованно, при этом используя слова, которые я никогда не слышала, чтобы кто-то моего возраста использовал раньше.

Прозвенел звонок, а он по-прежнему говорил.

Я попыталась его прервать, но было нереально остановить его. И я достаточно долго пыталась заставить его передать мне свое расписание для того, чтобы я смогла посмотреть, где его класс.

Люди проходили мимо, смотрели на нас, но я не обращала на это внимания. Сейчас я была в своем мире, укутанная в его страсть, и это заставляло мои легкие ощущать себя переполненными настолько, что даже хотелось остановить дыхание.

Когда он протянул мне свое расписание, я почувствовала, как на глаза накатываются слезы.

Кстати, вы в курсе, что щипание в носу начинается до слез?

Вот что произошло, когда я поняла, что мы направлялись в один и тот же класс.

Английский язык. Где наш учитель рассаживал всех в алфавитном порядке, когда мы прибыли.

Я смотрела на Колтона со своего места в классе, когда он сел и снова напрягся. Его глаза смотрели вперед, и рот был плотно закрыт.

Через некоторое время мистер Мерсер начал перечислять название книг, которые мы должны будем прочитать.

Я едва обращала внимание на окружающих потому, что не могла перестать пялиться на макушку Колтона и его волосы, вьющиеся на затылке... Веснушки, убегающие под его рубашку.

Я настолько растворилась в своих фантазиях, касающихся его волос, веснушек, самого Колтона, задаваясь вопросом, какими окажутся ощущения, когда мои пальцы будут обернуты вокруг одного своенравного завитка, что пропустила тот момент, когда вдруг заговорил Колтон, рассказывая нашему учителю, что он уже прочитал несколько из них.

Это было похоже на внетелесный опыт — наблюдать, как его голова немного приподымается, пока тихие и размеренные слова слетают с его губ.

Мистер Мерсер наградил его одним из тех взглядов и прошептал, что в следующий раз Колтону необходимо поднять руку, прежде чем взрывать класс всплеском эмоций.

Бедный Колтон сжал на коленях кулаки и держал свою голову опущенной остальную часть урока, но как только прозвенел звонок, я подошла к учительскому столу и похлопала мистера Мерсера по плечу.

Я сказала ему моим самым властным голосом, что мама Колтона просила меня сидеть вместе с ним в нашем классе, и что он завтра пересядет ко мне.

Мерсер одарил меня недоверчивым взглядом, но я не собиралась отступать.

Как мы и договорились, я подождала Колтона, как только мы вышли из класса. После просмотра расписания я знала, что ему нужно было возвращаться в класс Ресурсов на еще

один урок.

Он чуть-чуть улыбнулся, когда мы вошли в кабинет, но резко развернулся и снова занял свое место в задней части класса.

Как жуткая девочка-сталкер я наблюдала, как он садился, а затем спряталась, поэтому он не знал, что я все еще была там.

Именно тогда я оторвала от него взгляд и увидела плакат над его головой.

Там были пары ног, одетые в кроссовки, одни принадлежали мужчине и другие — женщине, застывшие в воздухе перед приземлением в глубокую лужу.

Когда я подняла взгляд выше, мне предстал весь снимок, на котором парень и девушка держались за руки.

Под дождем.

Все это было изображено черно-белых тонах.

И единственные слова на плакате были о ДРУЖБЕ: «*Настоящий друг — это одна душа в двух телах. Аристотель*».

Так убого, ведь вся эта хрень была в школе. Однако, конкретно этот плакат казался мне не таким уж плохим.

Он заставил меня задаться вопросом, было ли это правдой.

Глава 5

После школы я окончательно бросила Харпер и ждала Колтона после его последнего урока.

Если он и был удивлен видеть меня, то просто не подал виду. Вместо этого, он направился в мою сторону, как будто мы много лет вместе ходили по коридорам нашей школы.

— Хочешь, поедem домой? — спросила я, мои ладони снова вспотели.

Он медленно покачал головой из стороны в сторону:

— В три тридцать пять я должен ждать снаружи маму.

Я улыбнулась настолько широко, как смогла:

— Тогда я подожду с тобой.

Кивок. Это все, что я получила, но это не имело значения. Все-таки это было хоть что-то!

Скажу честно, в этот раз я намного больше нервничала от того, что снова встречу с Шейлой Нили, чем в первое приближение к ее сыну.

Пока мы ждали ее приезда, долго петляя вокруг автомобилей, припаркованных на школьной парковке, я размышляла, о чем мы могли бы поговорить с ним.

Например, что-то наподобие: «Какого черта он вдруг появился в школе?»

Вместо этого я струсила.

— Ты занят завтра после школы? — придерживаться имиджа девочки из старшей школы достаточно тяжело. Но если добавить слово «чувак», спрашивая кого-то, от этого мои мозги хотят взорваться. А мне этого не хочется.

— Да, — его ответ был резким.

Примерно в это время его мама медленно подъехала к остановке. Она опустила пассажирское боковое окно, а потом приспустила свои солнцезащитные очки на нос и прищурилась, чтобы увидеть, действительно ли я стояла рядом с ее сыном.

— Лили Эванс, — от того, как она сказала мое имя, я сморщила нос.

Я поздоровалась, и она засмеялась, закинув голову назад, из-за чего ее рыжеватые волосы начали подпрыгивать:

— Я не думала, что ты станешь такой в шестнадцать... Ты гораздо меньше для своего возраста.

Туше, миссис Нили!

Очко в вашу пользу!

Колтон сел на пассажирское сиденье, тем самым закрывая мне ее, так что я перешла к ее окну.

Она широко улыбнулась и подняла очки, зацепив их в волосах, чтобы беспрепятственно смотреть на меня.

Я наклонилась, стараясь говорить достаточно громко, чтобы было слышно им обоим:

— Вы не возражаете, если я заберу Колтона в школу утром? Я могу также привезти его домой обратно, если вы не против.

Я клянусь на Библии, ее глаза стали настолько большие, что я подумала, у нее случился инсульт.

— Правда?

— Да, конечно. У нас совместные уроки и прочее, так что я подумала, мы могли бы прокатиться вместе, и его шкафчик находится рядом с моим, и ему бы не пришлось собирать свои вещи, чтобы потом разложить...

Она протянула руку, чтобы остановить меня, и на мгновение мне показалось, что у нее на глазах слезы:

— Конечно.

— Отлично! — такое чувство, будто, наконец, я снова могла дышать.

В этот раз я буду заботиться о Колтоне, а не наоборот.

— У Колтона завтра занятия в колледже. Можешь ли ты забрать его? — она с надеждой посмотрела на меня.

- Конечно. Должна ли я... Там присутствовать?

Я не смогла вспомнить, когда она так говорила с намеками, нерешительностью и именно таким тоном, но ни один из них не звучал настолько холодно, но я и не настаивала.

Ее голос... Он оказался таким низким:

— Это социальные занятия, чтобы помочь ему акклиматизироваться. Понимаешь, он хотел сделать это в одиночку. Он попросился ходить в школу, хотя не должен быть здесь. — Ее глаза, действительно, заблестели. — Он просто хочет друзей.

— Не волнуйтесь, миссис Нили. У него уже есть один друг в моем лице, — заверила я ее, а затем немного наклонилась, чтобы попрощаться с Колтоном.

Он кивнул пару раз, после чего они уехали, оставив меня с тысячью вопросами.

Было странное чувство — подобно тому, какое посетило меня тогда, когда я увидела его в школе первый раз, и мне было необходимо доказать себе, что я выясню то, что давно откладывала в течение многих лет.

В конце концов, было такое чувство, что настало нужное время, чтобы уступить и узнать все, что я могла.

Я поехала домой и сразу прогуглила этот чертов синдром Аспергера.

Святой ад!

Объем информации был столь обширен, что я не могла сказать, где конец.

Хотя у синдрома был ряд качеств и характеристик, перечисленных на сайтах, но они

были не все.

Честно, все это было довольно изнурительно и сбивало с толку через некоторое время. От этого хотелось опустить голову и заплакать, потому что он для меня был полной загадкой.

Мои исследования показали, что «социализироваться» было самым сложным для кого-то вроде него. Очевидно, занятия после школы казались все более необходимыми.

Но как я могла помочь?

Не думаю, что подталкивать его к школьной деятельности, будет правильным выходом. Что, если это произведет на него сильное воздействие?

Разве он не психанет и не уйдет?

Был ли он нормальным, а я — полной дурой, если думаю о таких глупых вопросах?

Иногда, после заугливания, становится только хуже.

Одно я знала наверняка: я сделала бы все, чтобы стать такой, какой ему нужно.

Он стоит того, даже только после одного дня.

* * *

Примерно за час до сна я поняла, что поставила свой телефон на беззвучный режим и забыла про это.

Там оказалась куча пропущенных звонков от Харпер и Джозефа.

Мягко говоря, меня это раздражало.

Нужно было сказать, чтобы она воспользовалась сообщениями. Но Джозеф был совсем другое дело.

Позвонить ему оказалось второй лучшей вещью, которую я сделала в тот день.

Разговор пошел как-то так:

— Хей! Я пропустила твои звонки...

— Да. Какого черта ты делала с сыном Нили? Все видели вас. Они все говорят о тебе...

Я не буду вдаваться в конкретику, что именно было сказано, потому что это... Просто...

Ааа, неважно!... То, что люди говорили о Колтоне, как его называли или как его классифицировали.

Проще говоря, Джозеф был достаточно неумелым в масштабных расставаниях.

В общем, я сказала Джозефу, что он может поцеловать меня в задницу.

Мы расстались.

По телефону.

И это не смутило меня ни на минуту.

Вот тогда мой сотовый взорвался наплывом сообщений от Харпер.

Я скажу это снова: «Новости распространяются быстро».

Но ничто из этого не имело значения.

Потому что я, наконец, увидела маленький проблеск, которым был Колтон.

Той ночью я спала хорошо, зная, что заберу его утром в школу. Сама.

Это был первый раз, когда я забирала Колтона в школу. Поэтому я встала рано, чтобы сделать макияж. Немного выпрямила волосы. И надела юбку.

Что я могу сказать? Мои ноги впечатляют.

Поймите, это вовсе не значит, что я начинаю более усердно ему навязываться. Это было заложено во мне что ли.

Он вытащил из меня этот базовый инстинкт — быть девушкой.

Лучшей девушкой!

Той, которая может получить внимание от кого-то вроде него.

Поэтому я не думала, что схожу со своего пути, делая все эти вещи утром. Я делала так потому, что хотела.

Просто потому, что он меня привлекал, не имея в виду нашу дружбу, все равно пришлось помучиться. Это случилось само по себе, не считаясь с моими чувствами.

Я встретила миссис Нили в дверях, и я клянусь, окинув взглядом мои блестящие губы и голые колени, женщина все поняла.

Мамам иногда это казалось странным.

Она указала мне на комнату над гаражом, где Колтону было предоставлено отдельное место.

Когда я ближе увидела его картины, на мгновение у меня перехватило дыхание.

Слишком давно я видела их выставленных на ярмарке.

Когда я посмотрела на них, из моего рта вырвались восторженные комплименты, но ему это, похоже, было неважно.

На самом деле так было до тех пор, пока я не упомянула о разорванном пополам и скрученном в углу комнаты холсте, на который он даже толком не реагировал.

— Что случилось?

Картина выглядела искореженной.

Колтон посмотрел на нее и вздохнул, и еще раз отвел взгляд, когда закончил класть в сумку книги:

— Я был расстроен, когда не смог изобразить правильно глаза.

Коричневые края картины подзывали меня для дальнейшего исследования. Но в моих интересах было задать соответствующий тон нашему общению, так что я проигнорировала это.

Плюс, было не похоже на, что он хотел говорить об этом.

Обо всем этом.

Мы ехали вместе в тишине, и у меня было такое чувство, будто миллион мурашек проносилось по моим рукам и шее.

Это была такая короткая поездка, что я не хотела спрашивать его больше об искусстве из-за страха, что не смогу заставить его остановиться, когда мы приедем на стоянку.

Учитывая мои познания, почерпнутые при помощи гугла, на любые другие вопросы я бы получала один ответ.

Что-то вроде: на «любишь ли ты музыку?» можно получить ответ «да» и это все.

Это был такой напряженный момент, что я не могла унять дрожь в руках, удерживающих руль.

В конце концов, я убедила себя, что молчание, вероятно, было лучшим методом, чтобы он мог привыкнуть к езде со мной.

И, кстати, если быть полностью откровенной, то я не очень хороший водитель.

День прошел лучше, чем ожидалось.

К моменту обеда у меня не было мыслей, где я буду сидеть.

На первом уроке Харпер пыталась поговорить со мной о Джозефе, но я сказала ей, что не хочу о нем говорить в школе.

Я не совсем была уверена в том, что попытается ли она заставить меня сидеть за столом и долго обсуждать все это в общественных местах?

Вместо этого, она прислала мне сообщение, как раз перед тем, как я зашла в школьную столовую, давая мне знать, что она выскочила на встречу с младшим на стоянке.

Я даже не думала дважды о том, чтобы пойти сесть с Колтоном и его друзьями.

Я просто сделала это.

Чертовски долго Квинн переводила взгляд с меня на Колтона и обратно. Весь обеденный перерыв у нее на лице был этот многозначительный взгляд, в то время как я притворилась, что слушаю, как Марисса переключалась с темы на тему быстрее, чем фанатка переключающая музыкальные каналы.

Я слегка улыбнулась, когда заметила на середине разговора пристальный взгляд Колтона, замерший на моих бедрах.

Это являлось простым подтверждением того, что он был обычным парнем, независимо от того, какие у него были трудности, и что не мешало ему показывать это так же смело, как и другим.

Английский стал даже лучше, потому что я получила место рядом с ним.

Когда мистер Мерсер проводил уроки, я слышала, как Колтон бубнил себе под нос каждый раз, когда учитель говорил что-то не так или грамматически неправильно.

У Колтона явно были какие-то невероятные репетиторы.

У меня в животе порхали бабочки, когда я повезла его на занятия в колледж.

После того, как я провела его внутрь, то решила, что будет лучше, если я подожду его в коридоре, чтобы Колтон не чувствовал себя более неуверенно, чем обычно.

Все остальные в комнате были на равных условиях.

В моем присутствии они могли бы отстать на несколько шагов в своем развитии.

Я ждала около часа, пока он был внутри, развлекая себя тем, что играла на своем телефоне, и знакомясь с тем, что он изучал.

Колтон появился около меня сразу после того, как двери открылись, и в тот момент у него было это странное выражение лица, словно он намеренно старался быть равнодушным.

Его руки снова были в карманах, и я отчетливо помню, что перед его желтой футболки был заткнут за пояс штанов как попало. Тем временем, он один раз кивнул в мою сторону в знак признания.

— Ты готов ехать домой? — спросила я, интересуясь, должна ли я отвезти его сразу домой или предложить ему ужин.

Но его ответ заставил меня открыть от шока рот:

— Как скажешь.

Я моргнула и сжала свои губы вместе, стараясь выдать осмысленный ответ:

— Что?

— Да, — он закатил глаза. — Как скажешь.

И тогда он посмотрел на меня, и уголки его губ поднялись вверх в лукавой улыбке:

— Сегодня нас учили, как нам смешаться с нашими сверстниками.

Он заставил мое сердце выпрыгнуть из груди, и мне пришлось побороть все сразу, в том числе и желание обнять его и смеяться, потому что он выглядел таким чертовски милым и даже гордился тем, как он произнес это.

Вместо этого, я встала и подняла большие пальцы вверх в знак одобрения.

— Ты попал прямо в точку, — сказала я ему, моя собственная улыбка стала еще шире, и я не могла это больше скрывать.

Это чувствовалось, как начало чего-то невероятного.

Глава 6

Я довольно быстро изучила как работает ум Колтона и должна была все время следить за нашим разговором, если хотела, чтобы общение прошло успешно.

Эти небольшие вещи заставили меня задаться вопросом, как я могу помочь ему взаимодействовать с другими ребятами за обеденным столом, помимо его основной группы.

Они все, казалось, знали, как разговаривать с ним.

Ну, кроме Мариссы, которая говорила настолько быстро, что думаю, Колтон обычно блокировался от нее, будто она была фоновым шумом или гулом в его мозгу. Тем более что она никогда не задавала никаких вопросов.

Это стало миссией всей моей жизни: облегчить ему жизнь, насколько это было возможно.

Может быть, мне следовало задуматься о том, как это будет сложно, но в тот момент я себе даже не представляла насколько сложно.

Он, казалось, привыкал к нашей новой рутине, в которой я забирала и подвозила его каждый день.

Каждый раз, когда я останавливалась около его дома, я мысленно обращалась к нему, чтобы он пригласил меня войти внутрь. Позвал меня наверх. Но он этого никогда не делал.

Пару недель спустя, после одного из его ОСНОВНЫХ занятий по дороге домой, он как обычно сидел в своей отстраненной тишине, к которой я уже стала привыкать.

Я спросила, как прошло его занятие, и вместо ответа он громко выпалил:

— Лили, могу ли я попросить тебя дать мне свой номер телефона, чтобы я мог позвонить тебе сегодня вечером?

Да, я была также потрясена, как и вы. Поверьте.

Я сказала:

— Конечно. — Затем очень твердо. — Да.

Я улыбнулась, и он, на самом деле, выглядел менее напряженным после того, как я ответила.

— Наше домашнее задание — начать общаться. Мне было бы удобнее всего сделать это с тобой, если ты не возражаешь, — его глаза по-прежнему смотрят вперед. В голосе слышится напряжение и скованность.

Я сказала единственное, что пришло в голову:

— Ты можешь делать со мной что угодно, Колтон.

Поверьте мне, он не понял намека, но мои щеки адски горели.

Он тихо поблагодарил меня и попрощался, когда вышел из автомобиля, заявив, что позвонит мне в восемь часов.

Я была очень рада. Даже сказала бы, пребывала в восторге.

Девчачьи визги застряли в моем горле, когда я бросилась в свою спальню и попыталась сосредоточиться на чем-то ином, кроме его предстоящего телефонного звонка, но это было бесполезно.

В течение двух часов, я довольно часто поглядывала на телефон, интересуясь, вдруг спутник AT&T* (*оператор сотовой связи, подразделение компании AT&T Inc. Штаб-квартира — в Атланте, штат Джорджия, США. Компания является самым крупным оператором в США и Пуэрто-Рико с более чем 61 млн абонентов.) на самом деле накрылся медным тазом или вдруг в моей спальне появилась мертвая зона, которая мешала мне

получить телефонный звонок.

Оказалось, все было совсем не так.

Колтону необходимо было закончить свои вечерние дела, перед тем как позвонить мне. В тот вечер любое подобие нормальной жизни препятствовало его выходу из зоны комфорта.

Но он позвонил.

Ровно в восемь часов.

И после первоначального неловкого начала и ощущения, как будто я упаду в обморок от недостатка кислорода, у нас состоялся хороший разговор.

В ту ночь я поняла, что он простой семнадцатилетний парень, у которого случайно обнаружилась высокая работоспособность, и он просто хотел выглядеть обычным парнем.

Он слепо доверился мне в стремлении стать его другом, и я старалась стать его лучшим другом.

Но я в него влюбилась и влюбилась довольно быстро.

Осознание этого заставило мое сердце сжаться и вызвало чувство нервозности, которое глубоко поселилось в моей душе.

Все свелось к простой истине — я могу делать все, чтобы узнать о нем и его потребностях, но для него это было бы невозможным?

Ничто в моей жизни до этого момента не было так близко к тому, чтобы быть настолько запутанным, как именно такой сценарий.

Это случилось слишком быстро, но все же этому предшествовало семь лет прежде, чем это произошло.

Он всегда был рядом, независимо от того, позволяла ли я себе думать о нем.

Я же всегда была в глубине его сознания, несмотря на то, говорил он мне это или нет.

В тот вечер мы говорили о музыке, и я поняла, что, в принципе, у нас одинаковый вкус, кроме того, что ему очень нравился классический жанр, в котором я с трудом разбиралась, при изучении некоторых моментов. Там были некоторые вещи, которые мой мозг просто не воспринимал.

Колтон немного говорил о фильмах, но мне казалось, что он был в этом не очень заинтересован.

Ему нравилась архитектура, и конечно, он любил искусство.

Я упомянула, что иду в музей, и он едва среагировал на это, так что я изменила свой подход, сказав, что мне бы хотелось провести с ним день в музее.

Это была хитрость, и я сделала мысленные заметки, разговаривать с ним без излишеств, а прямым текстом.

Но я обещала не заставлять его делать то, чего он не захочет. Я надеялась, что он скажет «нет», если ему это понадобится.

Для меня было бы трудно привыкнуть к тому, чтобы находится в состоянии, в котором люди могли бы читать меня по интонации в голосе или выражению на моем лице.

Для него это было совершенно чуждо.

Но это стоило того темпа, который я себе задала, зная, что я попаду в эти неизведанные земли, как и он.

В тот момент мы были почти на равных, что было очень страшно, но в тоже время забавно.

Я могла учиться вместе с ним. Я могла узнавать его.

Я знала, что не имело значения, что говорили обо мне другие люди, если я собиралась

поддерживать Колтона в его стремлениях.

Мне нужно было знать, как быть сильной, чтобы противостоять любому осуждению того, что может произойти.

Одно можно было сказать наверняка, мне нужно было поговорить с человеком, который был в таком же положении, что и я.

Мне даже не пришлось просить об этом.

Квинн сделала это первой. Она проходила мимо, когда я уходила от класса Ресурсов Колтона, и потянула меня за руку:

— Иди за мной.

В библиотеке она усадила меня напротив себя, наклонила голову и попала прямо в точку:

— Ты хочешь встречаться с Колтоном, не так ли?

— Да, — было так приятно наконец-то не сдерживать все внутри.

И тогда я начала засыпать ее всеми этими вопросами о том, как я должна вести себя и что делать, если возникнут какие-то сложности.

Но прямо перед тем, как я решила перевести дыхание, она меня оборвала:

— Ух, ты! Сбавь обороты!

Когда я остановилась на полуслове, ее рука прижалась к моим губам. Я отчетливо помню, как они дрожали, и я боялась, что укушу ее прямо через них, если она не даст мне закончить.

— Тебе нравится Колтон.

Я кивнула.

— И ты хочешь с ним встречаться.

Я пожалала плечами, потому что было слишком рано, чтобы сказать да, но...

Да, черт возьми! Я хочу!

- Но ты боишься чего-то... Чего именно? Что люди будут смеяться над вами, и поэтому ты хочешь узнать мое мнение о том, что делать? — это звучало настолько поверхностно, правда.

Мне хотелось, чтобы в Колтоне видели больше, чем просто человека с этим диагнозом, только я не знала, как это сделать.

Пока она думала, ее лицо было супер серьезным:

— Знакомство с Соьером не было похоже на знакомство с Колтоном.

— Я знаю. Ну, что две пары не могут быть одинаковы, верно?

Узел в моем животе вызвал тошноту потому, что я не хотела производить впечатление какой-то сучки в чем-нибудь, но я не могла не спросить:

- Кто-нибудь из ваших друзей знает, что Соьер находится в этом классе? Потому что я понятия не имела до того, пока не увидела его в первый день школы. И если да, то как они к этому отнеслись? Или ты? Как заставить их увидеть, что он такой, как все?

Именно тогда она, наконец, все поняла:

— Друзья знают. Его товарищи по команде знают. Думаю, что сначала они немного насмеялись над ним, но он не стал другим после того, как они выяснили это. Он забавный и умный, — она посмотрела на меня, и я обратила на нее более пристальное внимание. — Ты не представляешь, какой он умный. И добрый.

— Так вот почему ты ешь за их столом? Потому что я никогда раньше этого не замечала.

Она кивнула:

— Конечно. Зачем тебе? Не много людей сходят со своего пути ради них. Но Соьер сделал это. Он пример преодоления клейма. Мы можем есть в любом месте в кафетерии, но они его друзья. В некотором смысле он как старший брат, и он чувствует, что это его долг — подавать пример.

- Это именно то, что я хочу делать.

Это была правда. Я хотела, чтобы все видели, насколько восхитительными они были.

Я уже знала это.

Я просто ждала, чтобы получить подсказку.

И тогда она сказала самые глубокомысленные для меня слова, которые я когда-либо слышала:

— Ты думаешь, что тебе предстоит выбор, любить его или нет, но это не так, Лили. Ты уже выбрала. Я вижу это на твоём лице.

Я знала, что она права.

Внутри меня была пустота, которая не могла заполниться ничем другим. Я хотела быть там, с ними, и мне было все равно, кто что скажет или кто что подумает.

— Ты хочешь, чтобы люди перестали думать, что он другой? Сблизь его со своими друзьями, чтобы они могли увидеть его таким, каким видишь его ты. Позволь им увидеть, как ты сближаешься с Колтоном. Я гарантирую, что в свое время они все примут это как должное. Он, действительно, удивителен, — она улыбнулась на последнем предложении и оставила меня одну в библиотеке, чтобы обдумать ее слова.

В ту ночь я пригласила Харпер открыто все обсудить.

Сначала она выглядела растерянной, думая, что я начала тусоваться с Колтоном из-за некоторых обязательств потому, что мы знали друг друга, когда были младше. И потому что он дважды спас мне жизнь.

— Ты рассталась с парнем, чтобы встречаться с Колтоном?

Выглядело так, будто я дала ей сложить кубик Рубика — настолько она выглядела сбитой с толку.

— Я не говорила «свидания» пока, но я действительно... Он мне нравится. Очень.

Она легонько кивнула, а потом откинулась на локти, чтобы оценить меня.

— Он симпатичнее, чем Джозеф. Но он странный, Лили.

— Он не странный. Он просто не такой, как ты. Но давай посмотрим правде в глаза, я такая же. Я думаю, что если смогу заставить его чувствовать себя уютно с тобой и с некоторыми другими людьми, то это очень, очень поможет ему выйти из своей скорлупы, и ты увидишь, какой он невероятный, также, как увидела я.

В тот момент, когда я закончила эту фразу, она как будто поняла мои намерения. И, в первую очередь, это напомнило мне, почему мы были друзьями.

— Тогда приводи его на распродажу выпечки завтра после школы. Может быть, ему понравится помогать нам делать кексы и печенье? Это будет по-дружески, я обещаю.

Мое сердце сжалось от ее способности принимать то, что я хочу, и быть со мной на одной волне.

Я обняла ее, толкая на свою постель, благодаря ее снова и снова, тем временем строя в голове планы, как предложить Колтону завтра потусить с нами.

Это была тонкая грань, чтобы идти по ней.

Я имею в виду, что могла бы спросить его, и в результате он сразу же отказался бы и пошел домой, чтобы исполнить свой обычный распорядок, как выполняет каждый вечер.

Или я могла бы попросить его прийти, но я рискую тем, что это будет выглядеть так, словно я вынуждаю его.

Когда на следующее утро я доехала до его дома, я была совершенно раздавлена. Я не хотела спрашивать его об этом по телефону. И не имело значение, мог ли он видеть мое лицо, когда я спрашивала его. Имело значение только то, что я могла видеть его.

Миссис Нили проводила меня через входную дверь, и я поприветствовала ее, как делала каждое утро. Но вместо того, чтобы направиться прямо вверх по лестнице в мастерскую, я решила рассказать ей о том, что хотела бы потом пригласить Колтона остаться для встречи на продаже домашней выпечки.

Сначала, казалось, она была в шоке и немного обеспокоена:

— Ему может не понравиться, Лили. Будь готова к тому, чтобы уехать. Быстро.

Я была уверена, что поняла, что она имела в виду:

— Я знаю. Я просто хочу, чтобы после школы он мог заниматься и другими вещами, кроме его ОСОБЕННОГО класса и искусства. Вы говорили, что он хочет подружиться...

Выражение ее лица смягчилось, и она наклонилась ко мне чуть ближе обычного.

Я помню, как почувствовала нежные кончики ее пальцев на моей щеке прежде, чем она убрала прядь волос за ухо, а потом скользнула ладонью под подбородок, чтобы посмотреть мне в глаза.

— Спасибо, — пробормотала она. — Но, Лили? Помни, что это все ново для него. И он младше тебя.

Я не могла скрыть глупый румянец на щеках, когда ответила:

— Для меня это тоже ново. И поверьте мне, Колтон младше меня только по возрасту.

Миссис Нили засмеялась, и мне показалось, была она довольна тем, что я понимала всю серьезность происходящего со мной и Колтоном.

Я подошла к его мастерской, собралась и сжала вспотевшие ладони кулаки, чтобы набраться смелости.

Он сидел за столом, складывая свои книги.

Я легонько постучала в открытую дверь, он слегка улыбнулся мне и закрыл молнию на своей сумке.

Это прозвучало настолько чертовски громко даже через гул, что стоял у меня в ушах.

— Колтон? — мой голос дрожал, и я ненавидела это, но я продолжила. — Харпер попросила привезти тебя с собой, чтобы поработать кое над чем для продажи домашней выпечки сегодня после школы. Твоя мама сказала, что можно, — он просто смотрел на меня, — Ты пойдешь со мной?

Он кивнул.

Он решил, что хотел бы.

Для меня этого было достаточно.

Время в школе тянулось медленно, и я думала, что умру, если последний звонок не прозвенит, потому что я все это время представляла разные варианты того, как все может пойти. И да, я составила миллион сценариев в своей голове: хороших и плохих.

Но я знала Харпер и не думала, что она подумает о Колтоне что-то плохое.

Он казался более напряженным, чем обычно, когда я встретила его у своего шкафчика.

Когда мы направились в Комнату уроков кулинарии, мне пришлось бороться с желанием схватить его руку и переплести наши пальцы.

Я даже не знала, понравилось бы ему держаться за руки.

Было так ужасно не знать, о чем он думает.

Он молчал, пока мы шли в комнату, и вдруг я почувствовала, что все взгляды были обращены на нас.

Поправка.

Абсолютно все смотрели на нас.

Харпер подбежала и притянула меня в объятия. Затем отошла на шаг и посмотрела на Колтона, искренне ему улыбаясь:

— Рада, что ты сделал это, — сказала она.

— Ты рада, что я сделал что?

Колтон нахмурился и посмотрел на нее для объяснения, но она только лишь покачала головой и со смехом сказала:

— Я рада, что ты будешь помогать нам покрывать глазурью эти кексы.

И я ужасно гордилась ею, что она прослушала ту небольшую пикантную информацию, которую я дала ей накануне.

Она привела нас к нашему столу, где несколько человек были заняты работой над сладостями.

Кто-то из них украшал, кто-то упаковывал в красочную полиэтиленовую пленку. Остальные упаковывали в коробки и подписывали этикетки, и я задумалась о том, что было бы наиболее удобно выполнять Колтону.

— Хочешь помочь положить глазурь на кексы? — спросила я его так тихо, как только могла.

Он сказал «нет», потому что она была слишком липкая.

— А если в перчатках?

— От пластмассы и латекса мои руки потеют, и это неудобно, — его обычное спокойное поведение дало трещину.

Я наклонилась и взяла шейкер со съедобными блестками для верхушек красочных кексов.

— Возьми это, — прошептала я, наблюдая, как его пальцы обхватывают пластиковый контейнер, — это подойдет?

Его взгляд ненадолго скользнул к моим глазам:

— Да.

— Хорошо. Тогда я буду покрывать глазурью кексы и передвигать их к тебе, чтобы ты мог вытряхнуть немного блесток на их верхушки. Но только немного. Примерно так, — я показала ему, положив свою руку на его, и мое сердце остановилось в тот момент, когда он слегка отпрянул от меня.

Но он вытерпел, и я продолжила, зная очень хорошо, что он быстро уловит смысл.

Что он и сделал.

В течение получаса мы были потеряны в большом количестве глазури и подталкивании кексов для того, чтобы он мог их посыпать.

Где-то в это время Харпер подошла, чтобы проверить нас.

Тут я заметила, как несколько девушек подходили к Колтону с комплиментами на его

способность вытряхивать блески.

Будто он в этом нуждался.

Честно, это казалось немного снисходительным.

Он толком не отвечал, учитывая, что был сосредоточен на занятии.

Но от моего внимания не ускользнуло то, что, казалось, другие девушки слегка чересчур интересовались им.

Шептались слишком тихо за другими столами. Когда Харпер снова пришла несколько минут спустя, я спросила ее, что, черт возьми, происходит.

Она наклонилась близко и сказала, что все девушки говорят о том, какой Колтон милый и симпатичный. Как ни одна из них не обращала внимание на него прежде, но его спокойный характер и внешность сделали девушек вокруг него акулами.

— Слова «милый» и «горячий» прозвучали, по крайней мере, раз двадцать, — она усмехнулась, толкнув своим плечом в мое.

Из-за чего я потеряла равновесие и упала навзничь.

На Колтона.

Душ из пищевых блесков посыпался на мою голову, и я посмотрела вверх, чтобы увидеть его, смотрящего на меня сверху вниз.

Его руки были подняты к ушам, как будто он не имел ни малейшего понятия, что делать. Они покрылись розовыми блесками, и ладони оставляли следы на его щеках и на волосах.

Я рассмеялась, потому что знала, что была в беспорядке, так как крышка шейкера потерялась, и он отскочил, осыпая меня блесками для украшений кексов.

Это было такое проклятое, черт возьми, бедствие, что я смеялась все сильнее в течение достаточно длительного времени, и изо всех сил пыталась встать и извиниться перед Колтоном.

Но когда мне все-таки удалось подняться на ноги, я увидела только его затылок в то время, как он выбегал из комнаты.

Я бросилась бежать, с каждым шагом оставляя за собой след из падающих блесков.

— Колтон! — закричала я ему через холл, но он опустил голову ниже.

Его рубашка была расстегнута и летела за ним, как какой-то плащ супергероя.

Когда я, наконец-то, догнала его, то проскочила вперед и вытянула руки, чтобы остановить его от побега.

Он попытался двинуться влево, но, казалось, был столь же не скоординированным, как я, и таким образом он налетел на меня.

— Ты смеялась надо мной! — сказал он, его вены выпирали на шее и челюсти, пряча от меня взгляд.

— Нет, это не так! — я изо всех сил старалась не повышать на него голос, но ком в горле сделал практически невозможным сохранить мой голос низким.

— Так!

Я не могла изменить его мнение, и в этот момент опрометчивого суждения, когда он попытался отступить, я схватила его за руку и потянула к нашим шкафчикам. Моя хватка только ужесточилась, и он только раз почти вытянул руку из болезненной хватки, пытаясь со мной бороться.

Было похоже на то, что чем больше я трогала его, тем меньше он пытался вырваться.

Наконец, достигнув своего шкафчика, я использовала свою свободную руку, чтобы

открыть его и указала на отражение в зеркале, которое висело внутри.

— Ты покрыт блестками, — я указала на его отражение. Моя рука указала на мое лицо, и я закончила. — Точно так же, как и я. Я сделала это. Я упала на тебя. Помнишь, какая я раньше была?

Он моргнул на свое отражение, посмотрел на меня и кивнул.

— Ничего не изменилось. Меня просто больше не ударяла молния, — при каждом покачивании моей головы все больше блесков сыпалось на пол.

И вдруг он улыбнулся, окинул пристальным взглядом все блестящее дерьмо на моей голове, лице, руках и ладонях. Пропутешествовал взглядом вдоль моего туловища, пока не достиг наших ладоней, покрытых блеском.

Сложенных плотно вместе.

С легким вздохом он сжал мою руку сильнее:

— Жаль, что ты не похожа на меня.

Воздух из моей груди стремительно вышел, когда я спросила почему.

Его взгляд вновь вернулся к моему лицу, он сосредоточился на моих волосах, говоря, что именно у него на уме:

— Потому что тогда ты бы поняла меня.

Это именно те слова, которые заставили меня влюбиться в него.

Прямо там, на том месте.

Потому что он хотел, чтобы я была, как он.

Это было его обычное состояние. Я точно знала, что он имел в виду.

Когда я привезла его домой, то не ожидала приглашения войти. Я просто вошла.

Его мама посмотрела так, будто собиралась разозлиться за количество блестящей волшебной пыли, тянущейся за нами.

Но его отец Рик просто смеялся.

Я уверена, что у меня был виноватый взгляд и красные щеки или еще что-то подобное, потому что они все смотрели на меня, когда я рассказывала им о том, что случилось.

Колтон в это время принимал наверху душ, смывая посыпку в меру своих возможностей.

Мистер Нили — мужчина с темными волосами и добрыми глазами, наконец, улучив момент, когда возникла пауза в нашем разговоре, громко прокашлялся, чтобы прочистить горло и спросил меня, как я жила последние семь лет.

Его вопрос застал меня врасплох, и я так странно скривила рот, как сделала при Квинн днем раньше, что миссис Нили только сильнее засмеялась потому, что ее сын — тот, у которого было диагностировано наличие расстройств некоторого рода, мог говорить предложения красноречивее, в то время как я не могла даже заставить мои губы работать.

Я так нервничала, потому что знала, что между мной и Колтоном начиналось что-то большее, и я не была уверена, как остро воспримут это его родители.

Всегда есть небольшой шанс, что они знают что-то большее, чем знаешь ты.

И пока я не собиралась доставать свою визитную карточку с моим именем «Заверенной Девственницы», напечатанным на ней.

Я хотела, чтобы они чувствовали себя комфортно, когда я остаюсь с ним наедине.

Серьезно.

Я испытывала головокружение и дрожала, держа его за руку. Я представила поцелуй с

ним, и вероятно, он отправит меня в больницу. Опять.

Они закончили тем, что попросили, чтобы я осталась на ужин, но я совершенно не была уверена, что Колтон хотел бы еще больше испортить мной свое расписание в тот день.

Так что я немного уклонилась от прямого ответа, говоря им, что должна согласовать это со своими родителями.

И именно тогда, когда я собиралась извиниться, чтобы позвонить маме и получить от нее одобрение, прежде чем обратиться насчет этого к Колтону, он появился в конце лестницы.

— Колтон? Мы попросили Лили остаться на ужин, — сказала ему миссис Нили.

Казалось, что я сделала одну из тех уловок замедленного кадра из фильмов.

Вроде того, где бы я повернулась, и мои волосы вскружились бы веером вокруг меня и красиво приземлились на мою спину, в то время как блестящая пыль направилась на их прекрасный вишневый пол. Я задержала бы взгляд на Колтоне, и он улыбнулся бы и кивнул, протягивая мне руку, словно мы находились в какой-то сказке.

Ну, отчасти походило на это.

Но не совсем.

Хорошо.

Ни сколько.

Вместо этого, я просто повернулась слишком быстро и запуталась в собственных ногах, ударившись локтем о перила рядом с входом. Сильно.

Мистер Нили незамедлительно вскочил на ноги и подбежал ко мне, чтобы убедиться в порядке ли я, но я пожалала плечами, стараясь не смотреть на него, так как чувствовала себя неловко.

Я потерла локоть, стараясь не расплакаться.

Колтон одарил свою маму оживленным взглядом и кивнул головой:

— Тогда я спрячу все ножницы и жевательную резинку.

Вся комната погрузилась в тишину, и он посмотрел на меня:

— Я знаю, как ты расстроилась в последний раз, когда я подстриг твои волосы.

Моя челюсть оказалась на полу. Он абсолютно точно пошутил.

— Тогда я думаю, ты также должен спрятать матрасы, — ответила я игриво.

От тишины, которая последовала за этим заявлением, мне захотелось сползти в яму и умереть.

Поскольку Колтон, возможно, не понял подтекст... Но его родители-то точно поняли.

Так и начались мои еженедельные обеды с семьей Колтона.

Я не подталкивала его к тому, чтобы он приглашал меня, но ждала этого от одного из его родителей.

Он никогда не возражал, и мне очень нравилось видеть его в его доме, потому что там он был гораздо спокойнее.

Я увидела эту его сторону и не заставляла его встречаться со мной в школе, когда он пытался сосредоточиться на том, что должен был сделать.

Впечатляющий факт относительно школы состоял в том, что чем больше я общалась с ним, тем больше люди тоже начинали по-настоящему видеть его.

Особенно девушки.

Потому что, давайте смотреть правде в глаза, привлекательный парень — это привлекательный парень, отличается ли он от всех или нет.

Это облегчило ему нахождение в других его классах, так как люди потеплели к нему.

Но для меня все это было гораздо труднее, потому что я постоянно беспокоилась, нравилась ли ему их компания больше, чем моя.

Хотя, как только он брал меня за руку, то не останавливался — постоянно держал ее в своей руке.

Наши ладони, словно ультрасильные магниты, которые соединялись воедино каждый раз, когда мы оказывались в непосредственной близости друг от друга.

Мы держались за руки. Сильно. Всегда. От начала и до конца школьных коридоров. После школы. В машине. Ладони и пальцы.

Постоянное касание.

Глава 8

Начало любых отношений на самом деле это «ля-ля-ля» и «весело-весело», верно?

Я имею в виду, я же — подросток, ради Бога! И Колтон тоже.

Итак, тут замешаны гормоны и все виды сумасшедших шгучек, о которых взрослые никогда действительно не говорят нам...

По крайней мере, мы это понимаем не благодаря словам.

Я могу перейти от состояния восторженно счастливой к состоянию неуверенной за долю секунды. Я могу перейти от чувства совершенной непринужденности с Колтоном к тому, что задумываюсь, а делаю ли я что-нибудь снова правильно.

Сложно руководствоваться головой, когда я едва могу контролировать свои мысли, и намного меньше, чем количество моих импульсов.

Девочки-подростки глупы.

Я могу сказать это потому, что я — такая же.

И я знаю, что все мы — конкурентки друг другу, даже если притворяемся, что это не так. Это точно.

Каждый проклятый день я шла в школу и знала, что самоуверенные блондинки с дерзкими сиськами и надутыми задницами получают парней.

Я знала, что моя лучшая подруга — одна из них.

И я болезненно осознавала, что я — тощая, хоть и пикантная девушка с определенно обычными-коричневыми-волосами-и-коричневыми-глазами.

Но когда Колтон говорит со мной или смотрит на меня, я чувствую себя действительно особенной. Более симпатичной, чем я когда-либо прежде чувствовала себя.

Полагаю, что другие сучки в школе также видят это.

Я предполагала, что они будут знать, так как мы держались все время за руки и ездили в и из школы, шли к классу и ели вместе ланч.

Колтон и я были, я знаю... Вместе.

Видимо, я ошибалась.

Простой факт — ни Колтон, ни я фактически не говорили, что мы были парнем и девушкой в том самом смысле.

Возможно, люди думали также.

Мы не целовались или еще что-то, и я полагаю, много людей... Девочек... Видели меня как своего рода его друга или что-то в этом роде.

Друзья, которые держатся за руки?

Поскольку Колтон сказал бы: «Какая разница».

Он то тут, то там совершенствовал свое общение, чтобы за столом поймать нас всех врасплох. Спонтанно.

Девушки вдруг пытаются болтать с нами во время обеда, но не могут разобраться относительно реакции и молчания Колтона.

От этого Квинн без конца смеялась, а Соьер откидывался назад с дерьмовой усмешкой на лице потому, что он мог сказать, что я становилась похожей на тигра, собирающегося наброситься каждый раз, когда одна из них снова подходила к Колтону.

Марисса, как обычно, прерывала и говорила что-то девочкам на ухо, и они в конечном итоге находили предлог, чтобы уйти.

Каким бы то ни было образом.

Мы получили объявления о Girls' ChoiceDance (Лучший Танец Девочек), и все девушки в школе внезапно получили лоботомию или еще что-то подобное, потому что половина из них кричала о том, чтобы пригласить мальчика, а другая половина делала списки тех, у которых не было парней, и тех, у кого есть.

Я действительно не обращала внимание на то, что происходит. Не обращала внимание на поток сплетен вокруг меня в течение нескольких недель, думая, что для всех было очевидно, что я буду приглашать Колтона на танцы, когда услышала первый слух.

Не менее трех девочек озвучили намерение пригласить его.

Теперь вы должны понять, что я была единственной девушкой, которая провела много времени с ним наедине. С его семьей. Изучая, как он делает свои заметки.

Так что у меня, определенно, было преимущество. Я почти желала увидеть, как другие девочки потерпят крах и погорят, когда они предложат Колтону пригласить их на танец.

Но другая часть меня не хотела, чтобы они даже задумывались о том, чтобы попробовать сделать Колтону подобное предложение.

У меня был мини-приступ тревоги, потому что я не была уверена в том, не слишком ли шумными будут танцы. Не слишком ли людными. Не слишком ли много возбуждающих ситуаций возникнет для Колтона.

Стоило бы даже пытаться пойти?

Один взгляд на него, когда он вышел из класса, в тот день ответил на каждый вопрос, который был у меня в голове.

Конечно, это того стоило.

Я наблюдала девушек, приближающихся отовсюду, как эта сумасшедшая сука из «Убить Билла», и, казалось, что все они сразу участвовали какой-то гонке на время, чтобы добраться до него первой.

Прямо перед моим сердитым лицом.

— Колтон? — я схватила его руку и с силой повернула спиной к шкафчикам, привлекая его внимание и сосредотачивая таким образом его только на себе. — — Я хочу задать тебе вопрос.

Он кивнул.

— Пригласи меня на танцы в следующие выходные.

Он наклонил голову в сторону и нахмурился:

— Лили, это не было в форме вопроса. Вопрос — это просьба, которая заканчивается вопросительным знаком. То, что ты только что сказала, было утверждением.

— Ты пригласишь меня на танцы в следующие выходные? — мое сердце собиралось выпрыгнуть из горла, держа острый нож, чтобы перерезать Ахиллесовы сухожилия на ногах

приближающихся сук.

Но Колтон просто смотрел на меня.

— Я хотела бы, чтобы ты пригласил меня на танцы. Пожалуйста?

Он закусил губу. Моргнул несколько раз. Казался погруженным в размышления.

И именно в тот момент, когда первая девушка собралась подойти к нам, он пожал плечами:

— Хорошо.

Я торжественно повернулась и выразительно произнесла одними губами: «Слишком поздно».

Я была глупо легкомысленной оставшуюся часть дня — я была победителем.

И тогда я вспомнила, что ненавижу танцевать.

Не важно.

Я пойду с Колтоном, и мы будем вместе на публике, и это действительно все, что имело значение.

Харпер одолжила мне платье, и я позволила ей сделать прическу и макияж прежде, чем поехать за ним, чтобы наши родители могли сделать фото.

Таки или иначе, но родители очень странные относительно таких вещей.

Мой папа наградил его хитрым взглядом, в то время как мамы бегали вокруг, фотографируя нас и говоря какие мы милые.

В тот момент Колтон был красивее, чем когда-либо прежде... В костюме... Черном костюме и белой рубашке... С тщательно причесанными волосами, широко открытыми голубыми глазами... И он ни на минуту не отрывал от меня свой взгляд.

Ему не нужно было говорить, что он думал, что я хорошо выгляжу. Я видела это по его лицу.

Красное платье, которое я надела, заставило почувствовать себя привлекательной.

Пристальный же взгляд Колтона заставил почувствовать себя совершенно прекрасной.

К тому времени, как мы появились в дверях спортзала, музыка гремела, отдаваясь вибрацией в пол, повсюду сверкали огни от вспышек фотоаппаратов и шаров диско, свисающих с потолка, а я думала, что моя рука отвалится.

Колтон так крепко сжимал ее. Я клянусь, мои пальцы почернели от оттока крови в них.

Все же он выдержал.

Мы прошли через толпу потных танцоров и мимо столов со шпаной, которые думали, что они были слишком крутыми, чтобы находиться здесь.

Мы помахали нашим друзьям, но продолжали идти потому, что Колтон серьезно испытывал слишком большое возбуждение, так что я сделала то, что, как поняла, было бы лучше.

Я потянула его наружу к белой палатке за зданием.

Она освещалась красивыми белыми огнями, так как девушки, которые украшали ее, повесили их поперек потолка.

Это было мило. Это было модно. И это было романтично странным образом, и я не смогла не улыбнуться, когда привела его туда, где музыка была тише, огни были мягче, и только одна пара тусовалась, попивая содовую.

Я повернулась и посмотрела ему в лицо, положив свои руки ему на плечи, и начала немного раскачиваться. Просто из стороны в сторону.

Я ужасный танцор, но этот вечер был особенным, и мне хотелось сохранить

воспоминания о нем, с ним.

Он был, как обычно, непреклонным, но я не возражала.

Его руки не знали, куда двинуться, поэтому я положила их себе на бедра и прислонилась щекой к его груди, закрыв глаза, и вдыхала то, как изумительно он пах своей накрахмаленной рубашкой и дезодорантом с приятным запахом парфюма Ликабл-бой (прим. пер. — Lickable — бренд парфюмерии).

Он казался слишком тихим, и я не была уверена, что делать с этим.

Я была также взволнованна, как и он, понимаете?

Я подняла голову, чтобы увидеть, как он смотрит на меня сверху вниз, и я лишь смогла выдавить застенчивую улыбку и со смешком произнести:

— Колтон?

— Да?

Я сжала пальцы, соединенные за его шеей:

— Расскажи мне о Моне.

Он так и сделал, и это была музыка для моих ушей.

Для моего сердца.

Он говорил так страстно о вещах, которые он любит, и я закончила тем, что прислонилась головой к его груди, чтобы слышать вибрацию его грудной клетки, как его голос рождался откуда-то из ее глубин.

Бас и баритон кружились и сплетались между ударами сердца и короткими вдохами.

И вдруг... Он остановился.

Моя голова взлетела вверх, и я посмотрела на него.

Странно, почему он замолчал? Конечно, я спросила, потому что так и должно быть:

— Почему ты остановился?

В горле сухо из-за напряженности между нами.

Вокруг нас воздух вдруг стал тонким и был заменен чистой энергией.

Он смотрел на меня, и почему-то я знала, что должно было произойти, но мой рассудок и гормоны были в беспорядке, и я стояла там, как идиотка, ожидая его высказываний.

Вместо этого, он закрыл глаза и наклонился. Его лоб толкает мой назад, в то время как он выдохнул мне в лицо. Я закрыла глаза и позволила этому случиться.

Он поцеловал меня.

Тепло и нежно.

Сначала слабо, пока его губы не приспособились к моим.

Это было не похоже ни на один поцелуй, который когда-либо был у меня раньше, потому что мои коленки внезапно ослабли, и мне захотелось упасть на землю, увлекая его за собой, чтобы я могла свернуться вокруг него и никогда не отпускать.

Какое-то мгновение он колебался, а потом стал более уверенным, когда я раскрыла свои губы и захватила его.

Мы отстранились в одно и то же время.

Я, должно быть, была ярко-красная и знаю, что он тоже покраснел, совершенно тяжело дыша и начиная потеть от напряжения.

Но мне было все равно.

Он абсолютно точно поцеловал меня.

И это было удивительно.

Я даже не говорю о том, что он в значительной степени ощущал мою левую грудь своим

большим пальцем. Я просто немного передвинулась так, чтобы не привлекать внимание.

— Мы должны это повторить, — пробормотал он и отвел взгляд на белые огни над моей головой.

Я только схватила его крепче и прошептала:

— В любое время.

Я говорила это раньше, но стоит повторить — Колтон очень буквальный.

Я сказала ему, что он может целовать меня в любое время.

Он это и делал.

С одной стороны, это было классно, потому что он не из тех парней, которые были придурками, красуясь перед другими. Это был недостаток других, потому как он делал это без предупреждения, например, посреди разговора.

Я много раз задавалась вопросом, осудят ли меня за то, что у меня с ним физические отношения. Есть ли на мне клеймо, что я использую его.

Но я не использую, если вы хотите знать.

Как я сказала, независимо от того, что однажды о нем сказал доктор, он все еще подросток. И это вполне нормально во всех смыслах, если вы улавливаете мою мысль.

То, на что я хотела бы обратить внимание, так это то, что, когда вы любите кого-то, их отличия и недостатки исчезают.

Я смотрю на Колтона и не вижу ничего, кроме того, какой он милый.

Я знаю, как мой живот вспыхивает от волнения, когда он держит мою руку. Как реагирует мое сердце, когда мы целуемся. И я глубоко уверена в том, что когда мы вместе, то это потому, что мы оба этого хотим, а не по какой-либо другой причине.

Единственное — я хотела бы объяснить людям, что он не такой, как они думают.

Слова, которыми они его клеймят, никогда не могли характеризовать его.

Он не особенный.

Он удивительный.

Для меня.

И я чувствую, что я тоже, когда я с ним.

Я рада, что мы вместе пошли на танцы, потому что в основном это было возвращением в школу во время каникул, что были только шесть недель в году.

Следующим танцем будет Homecoming (прим. пер. — бал выпускников), и я узнала, что в ту ночь Колтон собирается присутствовать на открытии одной из его выставок, таким образом, он не сможет побывать на нем.

Миссис Нили пригласила меня присоединиться к ним, и я легко приняла решение.

Однажды вечером после ужина с его семьей, мы пошли в мастерскую, и я смотрела некоторые из его новых картин, пока он мылся после ужина и переодевался в одежду, которая может быть испорчена, если попадет краска.

Мне действительно нравилось, как он выглядел в своей одежде для рисования.

Он был непринужденным.

Спокойным.

Мастерская над гаражом была его безопасным местом, и я все еще не могла поверить,

что он настолько доверяет мне, чтобы впустить меня.

То, что он собирался довериться, показать мне, как он работает.

Я бродила по комнате, разглядывая полотна, когда вспомнила, что в углу его комнаты была испорченная картина.

Ее больше не было, поэтому я продолжала идти вдоль стены и передвигать картины так, чтобы я могла разглядеть их более четко.

Мое внимание привлекли абстракции, и я внимательно их рассматривала, пока ошеломленно не замерла.

Я смотрела на точную копию своего лица.

— Святое дерьмо на палочке... — я, вероятно, сказала это громче, чем планировала, потому что я услышала шаги Колтона в зале, прежде чем они остановились позади меня на расстоянии фута.

— Мне не удалось нарисовать глаза, — сказал он спокойно, и я повернулась, чтобы посмотреть на его лицо, совершенно и абсолютно польщенная и затаившая дыхание от того, что я держала в руках. — На другой. Я не мог разобраться в глазах. Вот почему я порвал ее.

— Это прекрасно, — прошептала я и повернулась, чтобы посмотреть на картину. — Ты сумел сделать так, что я выгляжу действительно красивой.

Эти слова было трудно произнести, но они были правдой.

Он ухватил нечто особенное своей кистью и сумел перенести это на бумагу. Я никогда не видела этого в себе в отражении в зеркале.

— Думаю, что в этот раз получил правильную симметрию, — он неуверенно потоптался на ковре.

Через некоторое время я повернулась к нему и улыбнулась.

Я не уверена почему, но в моих глазах были слезы.

Он заметил их и выглядел немного застигнутым врасплох:

— Это расстроило тебя?

— Нет, — я вытерла нелепые слезы и покачала головой.

— Что-то не так? Что мне сделать? — это был тот вопрос, который создал трещину в центре моего сердца, и я начала плакать по-настоящему от чувств, которые переполнили меня, от которых я была в замешательстве.

— Лили?

Я, наконец, набралась храбрости, чтобы задать вопрос, на который я хотела получить ответ:

— Я твоя девушка?

— Ну, конечно, — ответил он так, будто это была самая очевидная вещь в мире.

Его ответ заставил мое сердце парить, и я шагнула вперед, взглянула на него... И попросила поцеловать меня.

Глава 9

Немного застенчивая улыбка растянулась на его лице, и он встретил меня на полпути, опуская свое лицо, чтобы поцеловать меня в губы.

Раз... Два...

И в третий раз я набралась храбрости, потянула его за шею и приоткрыла рот, чтобы... Вы знаете... Скользнуть немного языком к нему.

Я была под влиянием момента и толком не думала, так что мне не пришло в голову, что

он может решить, что это было непристойно или еще что-то, но он немного отстранился и нахмурился, заставив меня почувствовать себя странно и неловко.

— Мне жаль... Было ужасно? — спросила я, желая утопиться на дне моря и просто умереть.

Он медленно покачал головой и посмотрел на меня секунду:

— Я хотел бы попробовать это после того, как ты почишишь зубы.

О, Боже! Как стыдно!

На данный момент, если бы он был любым другим парнем, я бы, наверное, ударила его.

Куда-нибудь.

По лицу.

По рукам.

По орешкам.

Но это Колтон.

Он честный во всем и у него нет фильтра, чтобы остановиться, так что моей реакцией был только смех.

Я отступила и заверила его, что почищу зубы в следующий раз. Тогда он снова застал меня врасплох:

— Моя мама держит запасную зубную щетку в гостевой ванной для моих бабушки и дедушки, когда они приезжают.

Я не могла так скоро спуститься в зал. Его родители были еще внизу, и у них бы не было причин подняться в комнату раньше, поэтому я не беспокоилась на счет того, что миссис Нили поймает меня наверху, когда я освежаюсь.

Но то, что я не учла, так это Колтона, который пришел понаблюдать за мной, расположившегося в дверном проеме:

— Ты смотришь, чтобы проконтролировать правильно ли я чищу? — пошутила я и потом поняла, что он на самом деле делал это, когда пристально наблюдал, как я полоскаю рот.

Я чувствовала, будто мне нужно одно из тех маленьких зеркал на палочке, которые использует стоматолог, чтобы он мог пересчитать мои пломбы.

Я улыбнулась и указала на мои зубы:

— Все чисто. Теперь ты поцелуешь меня?

Он просто пялился на мой рот, а я тупо стояла, ощущая зарождающееся во мне чувство клаустрофобии от нахождения в таком маленьком пространстве.

Он шагнул в ванную комнату, заставляя меня сделать шаг назад, чтобы встать у раковины.

Я пригласила его войти, так что не уверена, почему меня это так потрясло.

Предполагаю, что это был его способ подойти ко мне.

Я привыкла, что он держал свои руки по бокам или хватал петли пояса на моих джинсах.

Но на этот раз он держал мои щеки в ладонях, крепко и грубо, до тех пор, пока приближался, чтобы поцеловать меня.

У меня не было никаких сомнений насчет того, чтобы сжать его волосы в кулаке, потому что я знала, что ему нравится, когда я прикасаюсь чуть жестче, чем обычно.

Мой язычок скользнул внутрь его рта снова, и его язык немного соприкоснулся с моим.

И как-то где-то во Вселенной щелкнул выключатель, потому что поцелуй реально

длился в течение секунды. Все мое тело отреагировало, и я ухватилась за него, чтобы удержаться изо всех сил, когда он атаковал меня своим ртом снова и снова в безжалостной сладкой пытке.

Тогда это и произошло.

Его руки больше не были на моем лице.

Они были на моей груди, и он ощупывал меня так грубо, что мне пришлось отступить, и я уверена, что произнесла «ой», потому что он сразу же отстранился от меня к стене, выглядя так, будто он сделал что-то не так:

— Я сделал тебе больно?

Я покачала головой, затем один раз кивнула:

— Было слишком грубо, — мой рот фактически чувствовал себя поврежденным, и я слегка почувствовала вкус крови. — Но все нормально.

Я хотела бы заверить его, чтобы он не побоялся попытаться снова.

— Иди сюда, — я жестом поманила его, и он шагнул вперед, так что я смогла закрыть за ним дверь.

— Ты возбуждена? Потому что я да.

Я на самом деле рассмеялась, потому что он был так прямолинеен, что иногда у меня не было другого выбора, кроме как делать это.

— Да, — я притянула его ближе и взяла своей левой рукой его правую, сжимая ее, чтобы он почувствовал себя в безопасности. — Очень.

Я была очень взволнованной, и он мой парень, и, да, мы были в ванной комнате у него дома...

Но это не имело значения.

Я поднялась на цыпочки и снова крепко поцеловала его, его рука все еще была в моей.

Его глаза закрылись, и он натянуто поцеловал меня.

— Расслабься, Колтон, — прошептала я между поцелуями.

Это заняло минуту, прежде чем он так и сделал, и как только он расслабился и снова подхватил ритм поцелуя, я раскрыла губы, приглашая к следующему шагу.

Мы были сосредоточены на этом в течение доброй минуты, пока я не почувствовала, что он снова возбуждается, и нерешительно я прижала его ладонь к моей груди.

Я знала его. Я хотела его.

Это ощущалось очень, очень приятно.

Это было слишком много для меня, поэтому, это, должно быть, было слишком много для него.

Я глубоко вздохнула и отклонилась в сторону, целуя его еще один раз, прежде чем его рука соскользнула обратно ко мне на талию.

— Ты в порядке? — спросила я, и он открыл глаза, опущенные веки и горячее дыхание подчеркивались розовыми щеками.

— Да.

Улыбка. Кивок. Еще один короткий поцелуй.

— Я должна идти, — я собиралась остаться, чтобы посмотреть, как он рисует, но напряжение слишком сгущалось, и я не думаю, что продержусь больше часа в его комнате, наблюдая за его работой.

Он стоял в дверном проеме в течение секунды и попрощался, прежде чем закрыть дверь за мной. Я удостоверилась, что выглядела презентабельно, прежде чем бежать из его дома,

будто моя задница была в огне.

Мне никогда не приходило в голову, что люди думали о Колтоне определенным образом.

Типа, если они не знают его, и он делает что-то, что они сочли бы странным или грубым, то вы можете увидеть, как их лица становились жестокими, и я почти слышала их мысли о том, что он придурок, потому что не начинал разговор или не смотрел на них, когда говорил.

А если он легко отвлекался на то, что его заинтересовало, другие, казалось бы, думают, что он их просто игнорирует.

Но как только их внимание обращалось на то, что его мозг работает иначе, они просто принимали это, после чего следовало: «О, Колтон — замечательный молодой человек. Он просто немного отличается. Он не контактирует зрительно, и он обнимает слишком сильно».

Колтон не интересуется такими вещами.

Его интересует искусство и появление новых друзей.

Он действует в пространстве своего сознания, что позволяет ему делать то, что он хочет, не чувствуя, как он ошибается во время этого.

Не существует каких-либо правил, когда что-то затронуло его страсть.

И я завидую ему.

Мне хотелось чего-нибудь большего, взять его краски и встать в его изостудии только в нижнем белье, и бросить краски из ведер на холст, просто чтобы посмотреть, какой хаос будет стекать по поверхности и смешиваться, создавая новые оттенки цветов, которые, возможно, даже не изобрели.

Но я этого не сделала.

Потому что этого нет во мне.

Я ужинала у него дома каждую неделю и проводила время с его семьей.

Я всегда отвозила и забирала его с **ОСОБЕННЫХ** занятий.

Я не возражала, что он не звонил мне каждый вечер, и что мы не ходили на настоящие свидания. Я пыталась компенсировать Колтону то, чего ему не хватало.

Он, скорее всего, никогда не заинтересовался бы вещами, которые мне нравятся, но если бы мы встретились в его же области интересов, то у нас был бы шанс.

Я уверена в этом.

Я вычеркнула изучение архитектуры просто потому, что это скучно.

Хотя вы можете сказать, что я и не пыталась заинтересоваться ею.

Мы могли немного позависать после школы в небольших группах людей, среди которых ему было комфортно.

Но он казался действительно более непринужденным, когда мы были вдвоем.

И я не могла сформулировать, что именно меня беспокоило, когда я оставалась с ним наедине.

Было то, что я не могла понять во время всего этого, даже при том, что я старалась изо всех сил смотреть на вещи его глазами... Узнавать его больше и больше каждый день для того, чтобы проработать наши отношения... Изучения этих вещей было недостаточно.

Есть огромная разница в чтении об этом и испытании этого на себе в реальной жизни.

В ночь Homecoming у Колтона была художественная выставка в центре города.

Я нарядилась в совершенно прелестное новое платье, на которое мне мама дала денег. И я купила новые туфли, сделала прическу и даже нанесла немного больше, чем обычно, косметики.

Я сделала это все потому, что собиралась увидеться с Колтоном на публике на одной из его выставок, и я хотела показать себя лучшим способом, какой я знала.

Он выглядел невероятно, как всегда в повседневном костюме, и я не могла отвести взгляд от него всю дорогу до центра города.

И при этом я не могла скрыть огромную гордость и счастье, которые я испытывала, когда он поднялся на сцену, оглядываясь и краснея, приветствуя толпу парой коротких фраз, но взгляд его был сосредоточен на знаке выхода в дальнем конце зала.

Люди аплодировали и заискивали перед его работами, и я даже не думала, что он взял мой портрет и тоже выставил его.

Люди, которые проходили мимо, рассматривали картину, а затем их внимание обращалось ко мне, и мне доставались эти странные взгляды.

Я очень сильно беспокоилась.

Думаю, что люди осуждали наши отношения, считая, что я с ним по любой другой причине, только не из-за любви к нему.

Мне нравится, как говорит моя мама, что я «прицепила свой фургон к его звезде».

Испытывая неудобство, через некоторое время я перешла в заднюю часть помещения и стала ждать за столом, наблюдая за людьми.

Но то чувство неуверенности было ничем по сравнению с пустотой в моем животе, когда мой взгляд, бродя по помещению в поисках Колтона, нашел его в дальнем углу рядом со сценой...

Разговаривающим один-на-один с великолепной девушкой, которая напоминала мне молодую Николь Кидман.

Она была высокой и стройной, с воздушными, почти рыжими, вьющимися волосами.

Ревность пронеслась сквозь меня быстрее, чем я когда-либо считала возможным.

Я сразу же направилась к ним, пересекая комнату, и пристально смотря на него. Но когда я подошла к нему, он, казалось, не почувствовал мое присутствие.

Это же сделала и девушка.

Только когда миссис Нили подошла к нам, она остановила их разговор и познакомила меня с Талией Бентон, девушкой с чата онлайн-форума Аспергера, поскольку это было поручено сделать его учителем из **ОСОБЕННЫХ** занятий.

Мое сердце вновь чувствовалось хрупким и бесполезным, потому что я поняла в тот момент, что все мои благие намерения были впустую, если я просто пытаюсь узнать о симпатиях и антипатиях Колтона.

Реальность была такова, что я не могла быть как Талия.

У нее было то, что ему было нужно. Она, наверное, понимала, как мыслил Колтон.

Она понимала, как он чувствовал себя.

Потому что она была такой же.

И впервые мне было жаль, что я не такая же.

Глава 10

Поездка домой была мучительной.

В большинстве случаев можно сказать человеку: «Кто это был?» «Как долго ты общался с ней?» «Ты хочешь быть с ней?»

Только это не наш случай, и это убивало меня — быть не в состоянии решить то, что заставляло чувствовать себя настолько ужасно внутри.

Он держал меня за руку.

Он говорил об искусстве и отвечал на вопросы родителей с необычайно большим возбуждением.

Я же изо всех сил старалась не заплакать, а из-за его особенностей характера нельзя так шуметь, и, таким образом, единственное, о чем я думала, стало присутствие Талии.

Когда мы прибыли к их дому, Колтон сразу вышел из машины и направился внутрь.

Даже при том, что мое сердце разрывалось, я последовала за ним.

Но миссис Нили остановила меня прежде, чем я дошла до двери с просьбой к нему поговорить со мной.

Теперь единственное, о чем я думала, был Колтон, соскользнувший с моих «склонов кролика» (прим. пер. — *bunnyslopes* — не очень крутой холм или часть холма, который часто используется начинающими лыжниками), и что она рассердится и скажет мне, что нам надо быть только под надзором.

Моя голова закружилась от неуместного страха с еще одним воспоминанием образа Талии, поэтому слезы сами стали наворачиваться на глаза, когда мама Колтона повела меня в сторону от дома, туда, где были садовые качели, и взяла меня за руку.

Для меня стало полной неожиданностью то, что она нежно погладила меня по руке, прежде чем вытерла пальцем одну из моих слез.

- Ты в порядке? — спросила она, как будто действительно волновалась.

Я смогла только кивнуть, потому что боялась, что если попробую что-нибудь сказать, то просто начну выть, как сумасшедшая.

Очевидно, она не поверила мне.

У меня не получается по-другому.

Я ужасная актриса.

— Я должна была сказать тебе, что она придет. Я не знаю, почему я не подумала, что это заденет тебя.

Ее мягкий взгляд обволакивал меня, когда она говорила:

— Ты так хорошо справляешься с ним. Так добра к нему. Он значительно продвинулся за последние несколько месяцев в твоём окружении. Ты должна знать это.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Я не знаю, достаточно ли этого.

Она кивнула, как всезнающая Ганди:

— Тогда позволь мне сказать за него, так как он не может, — она улыбнулась, в раздумье сжала мою руку, напоминая мне своего сына. — Пока... Он все время говорит о тебе.

При этих словах на меня накатила паника, и я приготовилась к неловкости, которую, я была уверена, испытаю, когда она стала бы говорить о моих сиськах.

— Он говорит о тебе с нами потому, что он не будет говорить о тебе с тобой же. Он общается с ней в сети, потому что это предложил его учитель. Но та девушка одержима

математикой и физикой. Это постоянно наводит на него скуку, но он делает так, потому что ему сказали это делать для достижения своей конечной цели. Причиной ее сегодняшнего присутствия было то, что это было частью его домашнего задания, пригласить ее в окружающую обстановку.

— Но она такая красивая, — наконец смогла я выдавить, прежде чем мой голос дрогнул. Глаза миссис Нили заблестели, и она снова улыбнулась:

— Конечно, она симпатичная. Но Колтон ничего об этом не сказал, когда она ушла. Он сказал, что она... Что ж это было? — она на мгновение задумалась, а затем хихикнула. — Он сказал, что она неестественно высокая для девушки ее возраста. И что она пахнет хлором.

Я тоже рассмеялась, потому что я даже смогла представить у себя в голове, как он говорит это.

Она взяла рукой меня за подбородок и повернула к себе, чтобы я посмотрела на нее:

— Он нарисовал тебя. Это настолько близко к высказыванию того, как сильно он заботится о тебе прямо сейчас. Я знала все эти годы, что в день, когда ты пришла, чтобы поиграть с ним, вы будете хорошими друзьями, Лили. Был просто не подходящий момент. Все, в чем он испытывает недостаток, есть у тебя. Живость. Страсть к приключениям.

Мои слезы почти высохли, прежде чем они опять начались, и я кивнула с благодарностью, пытаясь отвернуться, но она не позволила мне.

— Из-за тебя он захотел пойти в школу. Он никогда не забывал тебя. И он думал, что увидит тебя снова, если пойдет туда.

В этом, действительно, не было смысла.

Появление его в школе способствовало его высмеиванию и волнению. Зачем ему это все?

— Столько раз, больше, чем я могу сосчитать, он спрашивал: «Где Лили?» И я должна была говорить ему, что ты, вероятно, в школе. В конце концов, он спросил, в какой школе ты была, и может ли он тоже пойти туда. Пожалуйста, не расстраивайся, но я удостоверилась, что ты учишься там, прежде чем согласиться. Как я могла сказать нет? Он был на Эрготерапии* (* область медицины, цель которой оказание помощи человеку в повседневной жизни, развитии, восстановлении и поддержании навыков, необходимых при выполнении действий, важных и значимых для здоровья и благополучия данного индивидуума). Я заплатила много денег, когда он был младше, чтобы заставить его подружиться с другими детьми в комнате под наблюдением врача. Если ты не заметила, то ему гораздо комфортнее со взрослыми. Но ты? Ему хотелось снова найти тебя. Он не заботился о том, что другие подумают о нем. Проведение времени с теми другими людьми в его классе было дополнительным бонусом. Но ты — причина, почему он продолжает ходить.

Я выглядела безумно ошеломленной, но сама даже не имела об этом понятия.

- Я была так удивлена в первый день, что ты стояла вместе с ним около пикапа. Я думала, что потребуется больше времени, чем несколько часов, чтобы ему найти тебя и снова подружиться. Но у тебя всегда было доброе сердце, даже если ты более неуклюжа, чем кто-либо еще в мире. Везде. Всегда.

Я хотела засмеяться, но мне нужны ответы:

— И поэтому вы сказали, когда мы были младше, что я не могу с ним больше гулять?

Ее взгляд упал на наши все еще соединенные руки:

— Я серьезно боялась, что вы убьетесь у нас...

В этот момент мы обе начали смеяться потому, что это правда. Если бы меня дольше

оставили с ним наедине, то Колтон бы наверняка присутствовал на моих похоронах.

Для нас это был реально трудный путь.

Моментами я знала, что в нем было что-то особенное.

Между тестированием и оценками, изучая его и то, как он работает... Я часто думала, что, может быть, я ошибаюсь? О том, что он должен был быть в школе все это время?

Но это просто не для него.

Он расстраивается, когда не может общаться, потому что человек не его уровня.

Его это слишком сильно задевает, переполняет и заставляет его разрушаться, потому что он не может озвучить то, что происходит у него внутри. Хотя репетиторы облегчили кое-что из этого.

— Возможно, я должна была рассказать тебе, когда ты была младше. Но если бы я заходила в каждую комнату, объявляя, что он не такой как все, это не сделало бы ему никаких поблажек. Я хочу, чтобы все видели его таким, какой он есть. Все, что я когда-либо хотела, чтобы у него было некоторое подобие нормального детства, нормальная жизнь. Когда ты пришла, я подумала, что, может быть, вы вдвоем поладите, потому что он был так очарован тобой. Ты никогда не осуждала его. Я сильно ошиблась, удалив тебя из его жизни, потому что это было опрометчивое решение. Я чувствовала, что тогда так было лучше. Но он никогда не забывал тебя. Ни на день. Наверху есть картины, которые доказывают это. И если ты сможешь держаться за эту истину в будущем, когда станет тяжело, и ты почувствуешь, что это немного односторонне, тогда, возможно, не будет настолько тяжело.

Это было правдой, которую он не мог сказать, и она сделала меня более счастливой, чем я когда-либо могла даже себе представить.

Она отпустила меня, и я направилась в его комнату, чтобы пожелать ему спокойной ночи. И хотя я была разбита, покидая его, я знала, что должна выйти через парадную дверь.

Но перед этим я пробралась в его изостудию, чтобы открыть его окно.

Потому что это будет первая ночь, когда я поднимусь по решетке, чтобы проникнуть в его комнату, после того, как его родители отправятся спать.

Я нервничала, когда вела свою машину на другую сторону его района и припарковалась у дороги, прежде, чем переодеться в пару тренировочных штанов, футболку и мокасины, которые я держала в машине на чрезвычайные вечеринки с ночевкой, когда я буду зависать с Харпер.

Ночью каждый звук моих шагов по мертвым листьям усилился на миллионы процентов.

Мне пришлось прикусить губу, чтобы не дышать через рот, выпуская белые клубы пара, позволяя себе пробраться через двор его соседа, прямо позади него.

И, чтоб вы знали, как только я достигла его дома, решетка заскрипела...

Что-то в том, чтобы быть сосредоточенным и мотивированным, может привести к выбросу адреналина, отличающегося от всего того, что вы когда-либо испытывали прежде.

Именно это и произошло, когда я потянулась по неустойчивой и непрочной древесине и открыла окно, чтобы проскользнуть внутрь.

Сначала я волновалась, что упаду и приземлюсь на одно из его произведений, над которым он все еще работал.

Но я не упала, и гордость за себя захлестнула меня, делая опыт этого всего намного лучше.

Весь свет в доме был выключен за исключением одного ночника в его комнате дальше по коридору.

Я позволила маленькому источнику света привести меня к его двери.

Я остановилась на небольшом расстоянии от двери в его комнату, чтобы отдышаться и успокоиться прежде, чем тихо постучать.

Он не ответил, но я услышала его шаги, и когда дверь открылась, он замер и уставился на меня с недоумением.

— Можно войти? — прошептала я, и он склонил голову, чтобы осмотреть меня.

— Ты что-то забыла?

Я нервно усмехнулась и сделала глубокий вдох:

— Я пробралась в окно. Я хотела увидеть тебя.

— Ты должна была воспользоваться парадной дверью, — он по-прежнему смотрел на меня серьезно и внимательно.

Как я должна была объяснить?

— Я знаю, что должна, но я не хотела, чтобы твои родители узнали, что я здесь. Я хотела увидеть тебя.

— Ты уже видела меня сегодня.

Это все, на что меня хватило ... Или? ...

— Еще мне хотелось поцеловать тебя, если это возможно.

Он улыбнулся:

— Тебе следовало с этого начать.

Как можно тише я зашла в его комнату и остановилась рядом с кроватью, а он оперся о стол, явно не зная, что мы должны сделать.

Мы оба.

Я уже говорила, что он был без рубашки? Только в пижамных штанах?

Я думаю, что впервые вижу его в таком виде, и мне не стыдно признаться, что я смотрела несколько пристальней, чем обычно.

Для меня мой парень великолепен.

И без рубашки он еще более достоин лазания по решетке.

Мое внимание привлек экран его компьютера, и я боролась с желанием спросить его, общался ли он с Талией.

То, что сказала его мать, было правдой, и я должна верить в это, чтобы удержать надежду, что все у нас шло хорошо.

— Колтон? — я сняла свои мокасины и засунула руку в карман. — Могу ли я воспользоваться твоей зубной пастой?

Я выставила перед собой свою руку с зубной щеткой, которая у меня была, и он улыбнулся, кивая и указывая на свою ванную.

Он смотрел с порога, как я чистила зубы, прежде чем я зашла в спальню и села на кровать, вдруг почувствовав себя очень неловко.

Он сразу оказался возле меня, его рот прижался к моей шее и пальцы оказались на моей талии, но я немного отклонилась и потянула его руки на колени.

Когда я подобрала слова, то заговорила:

— Мне нужно кое-что спросить.

- Что?

- Я должна спросить. Почему я тебе нравлюсь?

Он отодвинулся от меня, его брови сошлись на переносице, делая его еще привлекательнее, если это возможно.

— Я не понял вопроса, — его руки крепко сжали мои, когда он посмотрел на них. — Ты моя, Лили. Ты всегда была моей, Лили.

Колтон получил мое сердце навсегда, когда произнес эти слова.

Как этого могло не быть?

Той ночью мы целовались и даже больше.

Мы зашли настолько далеко, насколько могли обойтись без вещей, выходящих из-под контроля, в тоже время я хотела этого, но знала, что еще не время.

Есть много вещей, которых я не знала, чтобы быть с мальчиком.

Или с Колтоном.

Это был опыт, приходящий с обучением, и я хорошо понимала его и ждала.

Спустя некоторое время мы замедлились, и мне пришлось отодвинуться, желая глотнуть воздуха и нуждаясь в пространстве, таким образом, я смогла взять себя в руки.

- Я должна идти, прежде чем твои родители проснутся, и мы не попадем в беду... Для этого...

— Я понимаю.

Он, может быть, понимал, но не мое сердце. Оно хотело остаться с ним.

— Увидимся позже, — сказала я.

А потом, прежде чем я смогла остановиться, наклонилась и поцеловала его еще раз.

— Напиши мне, когда проснешься утром. Мы можем общаться. Как ты делаешь это с Талией.

Он улыбнулся напротив моей щеки и поцеловал:

— Общение с тобой было бы гораздо приятнее, чем с Талией, Лили. — Его глаза сканировали пол под ногами, — Она нарисована числами, а ты акварелью.

Как объяснить людям, что в такие моменты, как этот, никто в мире больше не может заставить чувствовать тебя так?

Глава 11

Много чего можно сказать относительно наших отношений с Колтоном.

Он умный и интересный, и полон важных фактов и информации. Он сосредоточенный и надежный. Он слушает.

Я учусь, когда я с ним.

Он видит вещи вокруг нас по-другому, и он заставляет меня размышлять.

Я постоянно слышу, что ваша лучшая партия в жизни — это человек, который является противоположностью вам, что делает целое полноценным. Если это так, то мы созданы друг для друга.

Моя потребность быть естественной и азарт совершать опасные вещи намного перевешивают мою способность принимать ответственные, взвешенные решения.

Его мама сказала, что хочет, чтобы у него был настоящий подростковый опыт. Однако я сомневаюсь, что она хотела, чтобы он делал успехи нездоровым способом.

Я не собиралась брать его на концерты на всю ночь и не возвращать домой до рассвета. Я не пью. Я не нарушитель порядка, в прямом смысле слова. Но быть с кем-то, кто не озвучивает свои чувства, делало это более важным, чтобы выразить наше отношение друг к другу другими способами.

Не буду вдаваться в подробности, но если я и узнала что-то за этот год, так это точно то, что некоторые вещи между мальчиком и девочкой очень, очень нормальны.

Я не собираюсь позволить мнению некоторых врачей моего парня помешать мне завести такие отношения, которые мы оба заслуживали.

Это будет обучающий опыт.

И есть вещи, которые немного отличаются в теории и практике.

Я всегда за пробу своих сил. Особенно, если это с ним. Или для него.

Поскольку он всегда отвечает взаимностью.

Так как похолодало я не могла посещать его по ночам.

Поначалу мне было не так трудно подниматься по решетке и залазить в окно, но как только она начала покрываться льдом и снегом и замерзать, я не смогла бы оправдать перелом своей шеи желанием провести время со своим парнем.

Тупая зима.

Наши родители стали больше времени проводить вместе, и в конечном итоге наши матери стали неразлучны.

Их расцветающая дружба означала, что я подобралась к тому, чтобы видеться с моим парнем больше, чем могло бы быть в противном случае. И никто ничего не говорил, если нам надо было уйти наверх, чтобы посмотреть фильм или под любым другим предлогом, который мы придумывали, чтобы свалить от скучных родителей.

Особенно тогда, когда все, что нам хотелось сделать — это уйти в любое другое место и целоваться несколько часов напролет.

Что мы и делали.

Неоднократно.

Когда наступили зимние каникулы, мои родители решили уехать из города, чтобы навестить бабушку и дедушку.

Но я реально не хотела ехать.

Мысль о том, что придется быть вдали от моего парня во время нашего первого Рождества, заставляла меня переживать, и его это тоже беспокоило.

Было решено, что я останусь в его доме на праздники.

Я думала, что окружавшие нас взрослые не обращали внимание на то, что происходило за закрытыми дверями, и мы были достаточно скрытны, чтобы заморочить их. Но в тот вечер, когда я принесла вещи к Нилам, я поняла, как сильно ошибалась.

Шейла и Рик удостоверились, что у меня было все, что мне требовалось в комнате для гостей, а затем Рик послал своей жене этот... Взгляд...

И у меня в животе появилось ощущение, будто я была в беде или, возможно, они знали что-то, чего не знала я.

В такие моменты обычно в голове быстро проносится самый худший сценарий.

Я подумала, что, возможно, Колтон хотел порвать со мной, но не мог сказать это.

Или, может быть, у него была неизлечимая болезнь, и я должна буду выйти за него замуж, как в той книге, которую они превратили в кино с Мэнди Мур*. (*имеется в виду фильм «Спешите любить» (англ. *A Walk to Remember*) — мелодрама 2002 года, снятая Адамом Шенкманом. Фильм является экранизацией одноименного романа Николаса Спаркса).

Я имею в виду, что я бы определенно вышла за него в семнадцать, если бы было именно

так.

Но все было намного хуже, чем неизлечимая болезнь.

Намного, намного хуже!

Шейла Нили хотела поговорить со мной о сексе.

Большая часть разговора была мною потеряна из-за шума стучащей крови у меня в ушах и чувства унижения в моей голове.

Я не могу вспомнить слово в слово все то, что было сказано, но они знали, что мы заигрываем постоянно. Она никогда не выходила и не говорила, что слышала нас, но она упомянула что-то об увеличении грязного белья и полотенец, и еще чего-то.

Я не уверена на сто процентов.

Но все это было унижительно.

Я уверила ее, что была девственницей. Что Колтон тоже девственник.

А она засмеялась и сказала, что знает это, но хотела убедиться, что я в порядке.

От этого я сразу же полюбила ее, но в тоже время захотела провалиться в яму и исчезнуть навсегда.

Она не хотела ничего сильнее, чем чтобы у ее сына было столько предсказуемых подростковых событий, сколько возможно.

Даже если это означало, что он тискал свою девушку в ее доме.

Я, вероятно, должна была поблагодарить ее или еще что-то в этом роде, но мое косноязычие вернулось в полную силу. И, когда она покинула комнату, я свернулась эмбрионом на гостевой кровати, задавшись вопросом, могла бы я притворяться в течение трех месяцев, что я в коме, пока, наконец, не наступит весна.

Я утратила всю последовательность мыслей, когда Колтон постучал в мою дверь, обезоруживающе улыбаясь.

Это сделало унижительный разговор с его мамой стоящим того.

Тем вечером мы праздновали Сочельник с его семьей.

И со мной, по большей части избегающей зрительного контакта с его мамой и опасавшейся того, что в момент непродолжительной встречи наших глаз, я захочу умереть на месте.

Когда все были готовы лечь спать, он и я вместе пошли наверх по лестнице, рука об руку, но вместо того, чтобы сопроводить меня в комнату для гостей, он направил меня в свою студию.

— Я хочу подарить тебе твой подарок лично, если ты не против, — он выглядел таким застенчивым и...

Да, ладно... Я же девушка. Как я могла сказать нет?

— Тогда ты тоже свой получишь.

Это казалось весьма справедливым. И я предполагала, что, если я готова принять его подарок раньше, значит и он готов принять мой.

Я забежала в комнату, чтобы взять обернутую коробку и протянула ее ему, улыбаясь как самая счастливая девушка в мире.

Под моим напором он первым открыл мой подарок, и я приятно удивилась, что ему, казалось, понравилось то, что я подарила.

Я купила ему новые кисточки.

Они были чудовищно дорогие, но он все время смотрел на них влюбленным взглядом. Он смотрел на них так, как другие парни смотрели порно.

Серьезно.

Иногда я задавалась вопросом, хотел ли он трогать кисти больше, чем меня?

Он не хотел.

Но это ничто по сравнению с его подарком для меня.

Он стоял в конце комнаты, накрытый непроницаемым брезентом.

Холст среднего размера, преобразующийся в разные цвета, которые практически сошли на пол с картинки.

Это были мы.

Он нарисовал нас двоих, смотрящих друг на друга. Застывшие на вечность в возрасте семнадцати и восемнадцати лет. Прекрасный и красивая. Держащиеся за руки. Смотрящие с любовью глаза в глаза друг другу.

Это был, насколько я смогла понять, его способ показать мне, как он видит нас.

Его способ выразить свое восхищение. И, возможно, его способ сообщить, что он любит меня.

Я не заплакала. Хотя это была бы очевидная реакция.

Но я хотела, чтобы он знал, что сделал меня счастливой. Так что я улыбалась, пока мое лицо не заболело, и обнимала его, пока мои руки не онемели.

Он забрался своими руками в мои волосы и положил подбородок на мою голову, не возражая, что я удерживаю его слишком долго.

— Я так понимаю, что тебе понравилось? — это прозвучало почти так, будто он хихикал, когда произносил это.

— Более чем! Я влюблена в нее!

Поблагодарив его в последний раз, я пошла в комнату для гостей, тщетно пытаюсь уснуть.

Парень нарисовал картину нас двоих, и я не смогу отдохнуть, думая о его глазах и его лице, и то, насколько невероятно он сладок, даже не зная этого наверняка.

Снаружи, вероятно, было градусов десять, но под одеялом в чужой постели я вспотела. Я была горячая и обеспокоенная и желала проникнуть в его комнату.

Но я все еще чувствовала себя несколько странно после разговора с его мамой, который состоялся ранее.

Он произвел на меня эффект холодного душа.

Я пыталась и возилась, пока стеганое одеяло не спугалось вокруг одной моей ноги, а другая нога свисла с кровати, наряду с рукой, которую свело в припадке паники.

Я думала о записи. Я думала о том, чтобы послушать музыку. Я думала о таком положении дел до тех пор, пока не смогла больше встать.

Как раз в этот момент, когда я уговорила себя игнорировать все это, я услышала звук у двери.

Это было похоже на один из тех фильмов ужасов, где ручка двери чуть повернулась, но достаточно для того, чтобы привлечь ваше внимание.

Я рассердилась на себя за то, что подумала об этом странном фильме, где безумный парень, одетый в Санту, приходит и убивает всех в канун Рождества...

Но дверь открылась, и я увидела, что это на самом деле был не психопат Санта.

Это был Колтон.

Снова всего лишь в своих пижамных штанах.

Я знала, не сомневаясь, для чего он был здесь.

Но он прокрался тайком, чтобы увидеть меня, что сделало это в тысячу раз лучше.

— Я хотел увидеть тебя, — прошептал он.

Во мне не было ни малейшего колебания перед тем, как я подвинула одеяло и придвинулась спиной к изголовью кровати, приглашая его.

Он залез под одеяло, его кожа была холодная от похода по коридору по сравнению с пожаром у меня под одеялом.

Его руки при касании охладили мое лицо, и от такого контраста температур я остро ощутила, как мое тело отреагировало.

Я прошептала «привет», когда несмотря на тусклое освещение комнаты увидела его улыбку.

Его пальцы коснулись моего плеча, словно ими он запоминал каждый дюйм моего тела. Словно ветвями дерева клеймил мою кожу и, опускаясь, слегка касался моих пальцев.

Я приветствовала это.

Я снова сказала ему, что люблю его подарок, и он поцеловал уголок моего рта в ответ:

— Я надеялся, что это был подходящий рождественский подарок. Моя мама сказала, что ты бы его хотела.

— Твоя мама была права.

— Я скажу ей это.

Было не слишком рано, чтобы сказать, что я люблю его.

Я знала, что не было.

Но я так чертовски боюсь, понимаете.

Потому что я не была уверена, как это сработает с ним.

Вместо этого я поцеловала его так мягко, как только могла, надеясь, что он почувствует это без моих слов.

Обстановка накалилась достаточно быстро, и вскоре мы обнимали друг друга.

Прикосновения. Поцелуи. Исследования без колебаний.

Мы были профессионалами в этом к тому времени

К тому времени почти вся наша одежда была скинута, и, хотя мы в основном делали только некоторые вещи и целовались, не переходя к основному, это почти произошло.

Поскольку поцелуи могут привести к прикосновениям, а прикосновения могут привести к трюсам, которые стянутся, и затем ты прямо здесь, и вы почти это сделали.

ЭТО. ЭТО.

Я не смущалась ЭТОГО, прикасаясь к нему, в то время как мы были голыми.

Это был первый раз, когда мы были в таком положении.

Впервые наши руки были не поверх наших рубашек и штанов, и других вещей.

Поэтому мне пришлось опять остановить его, прежде чем мы зайдем дальше, чем были готовы.

Я имею в виду, что я не знаю, был ли он готов. Я — нет.

И только когда он понял, как близко мы были к тому, чтобы сделать кое-что, он спрыгнул с кровати с широко открытыми глазами и руками в волосах, и с быстротой пчелы вылетел в ванную.

Я думаю, что его крепкие объятия были бы лучше, чем впадина на матрасе, когда он захлопнул дверь ванной.

Но что есть, то есть.

Глава 12

Той ночью мы остались в разных комнатах.

Я подумала, что, может, будет лучше, если между нами будет расстояние.

Он, казалось, был согласен.

Нам становилось легко, когда он приходил к таким же выводам.

Открывание подарков с его мамой и папой было не таким неловким, как я ожидала.

И их подарок заставил меня покраснеть и улыбнуться, потому что я понимала, для чего он.

Они приобрели два билета в музей Искусства в центре Филадельфии. Полный доступ в чему угодно. Круглый год. Ко всем экспонатам.

Часть меня была в восторге.

Другая часть меня оценивала миссис Нили боковым взглядом, потому что я подумала, что, возможно, она освобождала себя от того, чтобы не ездить все время самой.

Хотя я уверена, что после многих лет выслушивание одних и тех же фактов о художниках могло стать для нее немного избитым.

Однако, не для меня.

Все в Колтоне для меня было фееричным, и я хотела иметь как можно больше времени, чтобы погрузиться в него.

Мои родители тем вечером возвращались, и я покинула дом Колтона, ощущая себя легче воздуха.

Как только я оказалась дома, то повесила нашу картину к себе на стену.

После случившегося в гостевой комнате в канун Рождества у меня промелькнула мысль о том, что, может быть, мне надо поговорить с кем-то о предохранении.

Потому что, если мы подойдем к завершению с такой же скоростью, с какой мы это делали, то кто знал, произойдет ли ошибка, если мы увлечемся.

Я попыталась набраться мужества, чтобы поговорить с моей мамой о том, чтобы принимать таблетки.

Один раз.

Два.

Три.

К четвертому разу, когда я начала открывать рот, чтобы спросить, я так разволновалась, что в конечном итоге покинула комнату, и клянусь, что услышала, как папа сказал что-то о «причудливых гормонах у девочек-подростков».

У него не было мерзких мыслей.

Я отправилась к Харпер. И Мариссе. Даже к Квинн.

Потому что, с таким же хладнокровием, с каким миссис Нили говорила о липких полотенцах и вещах, я не собиралась спрашивать ее о презервативах.

Харпер была вполне предсказуема, желая знать о самом опыте, но я стеснялась сказать ей, что я не была готова к фактическим действиям, потому что его прикосновения сносят мне «крышу».

Почему только она не говорила мне, что прикосновения так возбуждают?

Она должна была сказать мне хотя бы это!

Марисса оказалась более полезна.

— Подожди. Ты сказала, что он не будет носить перчатки из-за его сенсорных проблем, верно?

— Да. И?

Она покачала головой так, словно я легкомысленная особа, которая не понимала, к чему она ведет:

— Если он не носит резиновые перчатки на руках, то что заставляет тебя думать, что он будет носить подобное там?

Почему, черт возьми, я не подумала об этом?

Он был моим парнем.

Я достаточно знала о его «специфической природе», и что презервативы подобны резиновым перчаткам и воздушным шарам.

Они, вероятно, были тем, к чему он не собирался притрагиваться или позволить прикоснуться к себе.

Особенно к той очень чувствительной... Ммм... Части тела.

Я организовывала половой акт, не имея самого опыта в нем.

Девственница искала способ предохранения для секса, который еще только должен произойти.

Безусловно, я должна была пойти к Квинн.

У нее, как оказалось, были какие-то связи в центре планирования семьи, и еще она выполняла некоторую волонтерскую работу в больнице два раза в месяц.

Я полагаю... Она никогда не говорила... Но я думаю, что она украла образцы.

Она, по большому счету, взяла годовую норму из больницы и вручила их мне, как будто ничего особенного не происходило.

Мне просто нужно было не забывать принимать их каждый день.

В течение первого месяца я заметила странные вещи.

Моя кожа выглядела изумительно. К тому же я стала капризной, безумной сучкой. Как будто быть девочкой-подростком недостаточно плохо. Наконец, мои сиськи стали огромными.

Я не шучу!

Мои холмики практически в одночасье превратились в горы Везувий.

Мне пришлось купить новые лифчики, но под предлогом, что мои старые были просто жалкие.

Моя мама даже никогда не задавала вопросов. Я просто говорила ей заранее, что это не прилично, и она не совала нос.

Колтон, конечно, не возражал против изменений в моем теле.

В действительности, он был настолько увлечен моей грудью, что я была вынуждена направлять его в другое русло, чтобы иметь возможность приступить к чему-то другому.

Мы тратили много времени на учебу, и мой средний балл вырос на целый пункт.

То же самое и у Харпер.

Я догадывалась, что это тоже на нее повлияло. Хотя думаю, что это выводило ее из себя, потому что она привыкла быть привлекательной и непринужденной девушкой, но она никогда не думала о том, чтобы быть умной.

Со временем она стала видеть себя как нечто большее, чем пара сисек на шпильках, и, я думаю, тусовки с нашими друзьями сделали ее немного более разборчивой в парнях, с которыми у нее были интрижки.

И когда одна из девушек команды поддержки заработала хламидиоз на щеке, потому что она неправильно лежала в горизонтальном солярии, каждый начал распускать слухи о Хлам-

глазе и Хлам-лице.

И кто знал, сколько выводов бы было, и, если что, как тебе тоже с этим покончить?

Я волновалась по поводу окончания школы.

Колтон же был гораздо более подготовленным в этом вопросе и должен был начать что-то новое, что могло быть для него более сложным, чем для остальных.

Оставалось только несколько месяцев до того, как ему исполнится восемнадцать, и он уже втягивался в окружающий его социум, несмотря на то, что все еще оставался великолепнее и умнее большей части наших одноклассников, благодаря его репетиторам и сосредоточенности.

Я обнаружила, что в то время как Колтон не всегда мог уловить мое состояние с помощью мимики или отдельных фраз, не говоря уже о вздохах и раздраженных фырканьях, он мог в большей степени понять, в каком настроении я была, концентрируя внимание на музыке, которую я буду слушать.

Это было еще одно направление, в котором мы могли общаться без разговоров о банальностях, потому что мы подростки и вызывающие страх коммуникаторы, перед которыми было только одно препятствие для преодоления.

По дороге в школу я могла проигрывать определенные песни, и он понимал, я была в хорошем настроении или раздражена.

Только хорошее всегда исходило от него, поэтому ему никогда не приходилось заботиться об этом. Но он всегда был немного не уверен в том, что сказать или сделать, если я была чем-то расстроена.

Школа. Мои родители. Домашнее задание. Небольшая стычка с Харпер.

Он находил это странным и ненужным, все это делало меня раздраженной или недовольной.

Иногда это помогало рассмотреть подобные вещи в истинном свете. Иногда от этого болела голова. Иногда я хотела рассердиться на все это.

Но пообщавшись с другими моими друзьями, я поняла, что практически все парни такие же.

Ни один из них действительно не понимал, почему девушки расстроены незначительной и глупой драмой, так что это заставило меня почувствовать, что, может быть, наши отношения были такие же обычные, какими они и являлись.

Это было до того ужасного дня в феврале.

Вы знаете, какой именно я имею в виду.

Этот.

Я ненавижу его!

Я думаю, что День Святого Валентина — это день, когда мой цинизм немного начинает задирать свою безобразную голову.

Валентинов день. День сердца. День любви. День Валентина.

Не вызывают ли у вас эти два слова желание побить сучек?

Мол, как будто это недостаточно ужасно: символ дня — младенец в подгузнике с крыльями и луком... Это день, когда вся Вселенная, по большей степени, испытывает необходимость купить розовую или красную фигию в магазинчике «все-по-доллару», и объявить о своей любви всем... Везде.

Поэтому тем утром, когда я приехала за Колтоном, из автомобильного проигрывателя гремел тревожный девчачий рок, так как я просто была уверена, что школа собирается стать взрывом из цветов и конфет, и я собиралась на День Святого Валентина быть Гретхен Винерс* (*персонаж американской комедии «Дрянные девчонки» (англ. Mean Girls), 2004года, режиссера Марком Уотерсом с Линдсей Лохан в главной роли. По сюжету фильма Гретхен услужлива, ранима, не имеет своего мнения и чересчур зависима от дружбы с самой популярной девушкой в школе, секреты которой неоднократно случайно выдавала главной героине, после чего виновато просила ее никому не говорить) и сидеть в классе, в то время как Глен Коко будет получать сахарные печенья и гвоздики, переданные ему, но не от меня.

Мой бывший парень ничего такого не делал в прошлом году, но мы обменялись открытками.

Но это не было тем же самым, потому что я на самом деле была влюблена в Колтона.

Я не та девушка, которая влюбляется и волнуется из-за девчачьих штучек и хочет цветов или публичного оглашения признания в любви.

Но... Может быть, с Колтоном, я хочу этого?

Потому что я думала, что не могу иметь их.

Я корила себя за это.

Представьте себе, насколько я была удивлена и как виновато себя чувствовала, когда постучала в его дверь тем утром, а он встретил меня с букетом полевых цветов в руках!

Розовые... Синие... Фиолетовые...

Плотно сжатые в кулаке, и он сунул мне их в лицо, как только я вошла в прихожую.

- Это для тебя!

Я имею в виду, это было очевидно, что миссис Нили купила их.

Колтон выглядел так, словно он понятия не имел, почему он давал их мне, но все-таки...

Кокетство и ухаживания были моей сферой обязанностей, а не его, так что я не обижалась.

Как у девушек, у нас всегда есть эти дурацкие ожидания и предвкушения чего-то волшебного.

Неудивительно, что парни так путаются все время.

Шейла обняла меня и пожелала мне счастливого Дня Святого Валентина прежде, чем преподнесла мне красный конверт, говорящий о зарезервированном столике на ужин в Taste.

Это супер-высококласный ресторан в центре города, внутри музея.

Я знала, это означает, вероятно, что мы возьмем еду «на вынос», но мои мысли были все еще там.

Сердце... Сердце миссис Нили... По-прежнему там... «В подарке».

Она так старалась компенсировать то, что Колтон не получит.

Как и я.

Мы сгибались, сгибались, и сгибались, пока не стали похожи на колечко, окружившее его полностью, потому что мы любили его.

- Ужин в шесть, — она прошептала и улыбнулась мне. — Вы можете прийти сюда и посмотреть фильм, если захотите. Рик и я тоже идем на ужин, но у нас забронировано на восемь или около того. Мы будем дома поздно.

И вот оно!

Таким образом она намекнула мне, что дом будет в нашем распоряжении на некоторое

время.

Но она определенно вернется.

Миссис Нили была самой лучшей мамой на планете!

Я поблагодарила ее, и она оставила мои цветы в вазу, чтобы я забрала их позже вечером, и вдруг, я действительно почувствовала дух Дня Святого Валентина.

Колтон улыбнулся с пассажирского сиденья и взял меня за руку, как он делал всегда:

- Ты обрадовалась по поводу ужина сегодня вечером?

- Да.

- И тебе понравились цветы?

- Понравились.

Он кивнул и откинулся назад, чтобы немного расслабиться в кресле:

— Ты останешься ночевать?

Я слегка рассмеялась и сжала его руку:

— Не думаю, что твоя мама согласится с этим. Но я, определенно, останусь на некоторое время.

— Я бы этого хотел.

Мои родители нормально отнеслись к тому, что я провела ночь перед Рождеством с Колтоном, но это будет отдельная проблема, которую я не была готова создавать.

День Святого Валентина быстро становился моим любимым днем в году.

И я была точно уверена, что этой ночью хотела наконец-таки дойти с ним до конца.

В течение дня все было решено.

Это должно было случиться.

Я помчалась домой из школы, остановившись ненадолго, чтобы высадить Колтона у его дома и быстро поцеловать его прежде, чем поспешить в мою комнату, схватить одежду, оставить записку для моих родителей о том, что у меня планы на ужин, а затем притащить свою задницу к Харпер, чтобы подготовиться.

Я была в полном беспорядке, полна нервов и волнения, только наполовину слушая ее, пока она говорила мне сквозь все это.

Она давала мне странные указания и рассказывала вещи, которые я не могла понять, потому что у меня больше развита визуальная память и некоторые из вещей, которые она описывала, прозвучали так, как будто они не могли физически быть выполнены с серьезностью, являющейся преградой для нас.

К тому моменту, когда она закончила со мной, я осмотрела себя...

Ну... Я выглядела действительно, действительно красиво!

Харпер обняла меня, шлепнула меня по заднице и отправила в путь, пожелав мне вслед удачи, когда я уезжала.

В моих мыслях я ехала к своей судьбе.

Но блестяще выстроенные планы всего живого часто спутываются, как я узнала не понаслышке.

Колтон выглядел прекрасно, так что это не было проблемой.

Ради всего святого, я была в платье! И это не было проблемой.

Мы наслаждались поездкой до музея вместе, слушая музыку и держась за руки.

Я задавала вопросы, и он отвечал. Мы говорили.

В мыслях я пыталась спланировать, как именно все пройдет до конца вечера.

Но это стало проблемой уже в самом начале такого идеального моего плана...

Все, что придумал мой мозг, не было тем, о чем думал Колтон в тот момент, когда мы прошли сквозь двери в музей.

Мы прибыли достаточно рано, чтобы начать нашу прогулку между экспонатами, пробираясь сквозь большую, чем обычно, толпу.

Потому что, по-видимому, другие люди думали, что смотреть на искусство в день глупого купидона было тоже весело. Конечно, они были в значительной степени пожилыми людьми. Возможно, по меньшей мере, тридцать пять лет или старше, и они пили и разговаривали, в результате чего было больше шума, чем обычно.

Конечно, это не беспокоило меня.

Я была с ним.

И ничего не имело значения, когда мы были вместе, за исключением нас двоих.

Спросите меня что-нибудь об искусстве. Импрессионизм. Сюрреализм. Современный. Авангард.

Я уверена, что смогу достаточно вам рассказать, чтобы гарантировать, что вы закатите глаза и станете ворчать, что я всезнающий сноб.

Но я сконцентрировала внимание на том, что говорил Колтон.

Я пыталась увидеть, как очевидно он делал вещи, которые очаровывали его. И время от времени он мог быть таким сосредоточенным, как если бы я смешивалась с фоном, вместо того, чтобы быть с ним рядом, возле него.

Но меня это не волновало.

Потому что единственным, в кого я была влюблена... Был он.

Вы называете это одержимостью, а я называю это преданностью.

Мы немного прогулялись и обсудили некоторые экспонаты, пока кто-то не узнал его.

Видите ли, будучи в музее с известным местным художником, вы не всегда можете скрыться от глаз, даже от определенного количества окружающих нас сегодня людей. Я была удивлена, что он не общался с ними раньше.

Это знание не сделало ничего, чтобы облегчить мое разочарование, когда пришло время для нашего бронированного ужина, и Колтон все еще обсуждал искусство с группой взрослых людей, которые цеплялись к каждому его слову.

Я пыталась перебивать, но не было никакого реального способа сделать это.

В конечном счете я выступила перед ним, чувствуя себя глупой и маленькой, малозначимой и незрелой, когда озвучила, что хотела бы пойти в ресторан одна и подождать его там.

А именно как раз это я и сделала.

И пока я ждала и ждала, и ждала за столом его прибытия, я поняла, что у меня был ужин в День Святого Валентина...

С самой собой.

Это больно. Очень.

Но я не хотела быть девчонкой, которая плачет в ее дорогую пасту с завышенной ценой.

Нет. Не я.

Вместо этого я вспоминала все хорошее, что у нас было. И я пыталась представить себе, что оставшаяся часть вечера будет такой же.

К сожалению, через полчаса я поняла, что не было никакого смысла больше ждать.

И официантка сказала, что ей, возможно, понадобится столик, так что я попросила упаковать его еду на вынос и отнесла ее в мою машину, прежде чем вернуться назад в музей,

чтобы найти его.

Он был на том же месте. Теперь один. Разглядывая одну из частей выставки Ван Гога «Звездная ночь» * («Звездная ночь» (нидерл. De sterrennacht) — картина нидерландского художника Винсента Ван Гога, написанная в июне 1889 года, с видом предрассветного неба над вымышленным городком из восточного окна жилища художника в Сен-Реми-де-Прованс. С 1941 года хранится в Музее современного искусства в Нью-Йорке. Считается одной из лучших работ Ван Гога и одним из самых значительных произведений западной живописи)

— Я искала тебя, — я старалась, чтобы мой голос не звучал расстроено, и надеялась, что мне это удалось.

Наконец-то он обратил на меня внимание.

— Я читал, что здесь Ван Гог изображал путь надежды. Надеюсь сбежать от своего ада на Земле. Оказавшись в ловушке в своем теле, когда он начал отступать. Побег из своего разума, в то время как он оставался в убежище. Эти облака... Они олицетворяют свободу. Небо. Лекарство от его болезни, — его пальцы поднялись до точки. — Эти мазки безупречны. Большинство следов от воспоминаний о своем детстве.

Я просто стояла неподвижно, насколько это возможно, принимая во внимание каждое его слово.

— А что бы ты нарисовал из своего детства? — спросила я шепотом, забывая о том, что была обижена из-за ужина, и будучи полностью очарованной им в данный момент.

Он посмотрел на меня с такой улыбкой. Легкой. Многозначительной.

— Тебя.

Глава 13

Кровь хлынула к моему лицу, и я сжала его руку, тихо спрашивая, можем ли мы вернуться к нему домой.

Я чувствовала себя живой... Такой чертовски живой и взволнованной, что хотела вернуться к нему. Мне было все равно, что сейчас произошло.

Просто так.

Ночь была прохладной, но ясной, и я отчетливо помню, как смотрела на звезды.

Моя грудь вздымалась и наполнялась до краев и чуть не взрывалась от того, как сильно я любила его. От этой любви я даже ощущала физическую боль в груди.

Любовь?

Иногда она настолько сильная, что это причиняет боль.

Вернувшись домой, я решила разогреть еду, потому что подумала, что нам понадобится энергия для того, что я запланировала.

Пока мы ждали, я переключала каналы, чтобы выбрать какой-нибудь фильм.

Остановившись на том, который выглядел романтичным, я расставила еду, делая для нас небольшой пикник на полу.

Мой букет стоял сбоку от нас, и мне это нравилось.

Это было так правильно.

Но фильм? Вероятно, фильм был второй худшей вещью этой ночи.

Честно говоря, я понятия не имела, о чем он был.

Я едва ли слышала о нем, и никто из моих друзей никогда не говорил, что смотрел его.

Откуда мне было знать?

Я не знала, пока мы не прикончили наполовину нашу еду, и затем до меня дошло, что у главного героя был Аспергер.

Но Колтон увлекся, фильм привлек его внимание, и его лоб морщился, когда он смотрел.

Меня поразила женская роль в этой истории.

Порой она была холодной, а иногда раздраженной.

Но я видела себя в ней, и это было... Странно.

Наша еда остыла, и ни один из нас не говорил, пока шел фильм, но я чувствовала, как в комнате начало расти напряжение.

— Я могу выключить его... — начала я, но Колтон покачал головой, прикованный к нему.

— Я бы хотел досмотреть.

Я чувствовала, будто все время не дышала и сдерживала слезы, потому что эти люди были старше... И...

Там не было Голливудского хэппи-энда.

Простая реальность. Реальность любить кого-то, кто, возможно, никогда не сможет полюбить тебя с такой же силой.

Но Колтон мог, верно?

Мы были другими. Мы должны быть.

Он мог четко объяснить и показать свою симпатию другими способами, и не было ничего, что могло бы заставить меня перестать его любить.

Я уверена в этом.

Пошли титры, а я сидела в гробовой тишине, потому что там не было счастливого конца.

Там нет счастливого конца.

Абсолютно!

Я же нуждалась в счастливом конце.

Тишина была подавляющей, в то время как я убрала посуду и загрузила ее в посудомоечную машину.

— Я буду готовиться ко сну, — с этими словами Колтон исчез в своей комнате, чтобы начать свою рутину, а я обдумывала, стоит ли пойти или нет.

То, что мы только что посмотрели, до сих пор крутилось в моей голове.

Я не хотела этого для нас.

Я не могла позволить себе погрязнуть в этих мыслях!

Поэтому я сосредоточилась на подъеме по лестнице в его комнату.

Когда я дошла, он был в душе, и на мгновение я замешкалась. Но только на мгновение, пока он не позвал меня.

— Лили?

— Да, я здесь, — я зашла в ванную и села на крышку унитаза, переполненная мыслями и эмоциями, и была не в состоянии ясно мыслить.

— Присоединишься ко мне? — занавеска слегка отодвинулась, когда он высунул голову.

Вода стекала по его лицу и капала с подбородка, пока он смотрел на меня. Он выглядел чем-то озабоченным, насколько мог это показать, и я ненавидела видеть его таким.

Что-то в том, как он смотрел на меня, вытасило мое сердце, и каждое последнее предположение, появившееся у меня за ночь, вылетело в окно.

— Ты расстроена? Тебе не понравился ужин?

— Мне понравился ужин, — сказала я тихо.

Я не могла сказать, почему была расстроена. Я почувствовала слишком много.

Вместо стриптиза и надевания какого-то нелепого белья, чтобы соблазнить его, я встала, сняла свою одежду и залезла под душ, под теплую струю воды, чтобы просто... Держать его. В водяных объятиях.

Поэтому он не видел разницы между водой и тихо стекающими слезами.

Я даже не позаботилась о том, чтобы объяснить его вернувшимся домой родителям, почему мои волосы были влажными.

* * *

Я не трусиха. Даже близко нет.

Я имею в виду, если бы я была курильщиком, и мне нужно было бы бросить, то это было бы другое дело.

Но Колтон?

Никогда!

Просто потому, что если у двух людей в фильме это не получилось, то это не значило, что у нас будет так же.

Пока я не отказывалась от нас.

Однако на следующей неделе Колтон сбросил на меня новую бомбу — он получил работу.

Я была удивлена больше всех.

Я пришла, чтобы забрать его из школы, и миссис Нили сбросила на меня бомбу, объясняя ситуацию и спрашивая, не буду ли я против возить его на работу после нашего последнего урока.

Видимо, в ночь нашего визита в музей в День Святого Валентина Колтон обсуждал с куратором стажировку, на которую согласился мой парень.

Вот так просто.

На месте. Его учитель, являющийся его РОВЕСНИКОМ, говорил о его работе, и Колтон не видел в этом проблемы. Это было именно то, что он любил делать.

Конечно, он говорил об этом с родителями, но не со мной.

И я ненавидела это, но ничего не могла поделать.

Его это не волновало или он не думал обо мне.

Я придерживалась мнения, что он всегда все обсуждал с ними и это так и продолжалось. Он уважал своих родителей, и у них было решающее слово в каждом действии, которое он совершал.

Я не думала, что мои родители будут не против того, что я буду возить его на работу и обратно.

Моего отца не устраивало, что я буду ездить в город и обратно.

В конце концов, у меня не получилось делать это, поэтому миссис Нили начала забирать его каждый день со школы.

Вместе мы проводили все меньше и меньше времени, потому что несколько минут в машине по пути в и из школы, когда мы находились наедине друг с другом, было нашим особенным временем.

Обед не считался.

Английский тоже.

Я хотела побыть с ним наедине.

После начала его стажировки мы видели друг друга по утрам по пути в школу и у наших шкафчиков.

К тому времени, когда он ночью возвращался домой из-за своего нового расписания, ему было трудно адаптироваться к изменениям в его образе жизни, и я быстро поняла, что должна перестать актуализировать проблему.

Он еще легче раздражался и вместо того, чтобы позволить причинить моим чувствам боль, я делала кое-что другое.

Я снова стала няней.

На самом деле я не совсем уверена, для чего я это сделала.

Может быть из-за того, что у меня не было возможности видеть Колтона, и я чувствовала себя одинокой. Возможно, мне просто нужно было доказать себе, что я могла увлечься другими вещами, а не только им.

Моя мама делала мне пару раз замечания, что мне стоит проводить больше времени с друзьями или найти хобби.

Вместо этого я выбрала работу.

Вероятно, это было глупо, но я мало нянчилась с близнецами с тех пор, как мы с Колтоном начали встречаться, и это были легкие деньги.

Работа дала мне время очистить голову, когда у меня возникали беспокойства на счет наших отношений.

Каждое утро я знала, что увижу его. Мы просто должны выждать до этого времени.

Время шло быстрее, когда я была занята.

Телефонные звонки друзей срабатывали, но, прогуливаясь с парочками, я скучала по нему еще больше.

Он подружился с несколькими другими стажерами и время от времени рассказывал о них, но мы не виделись, потому что он был слишком занят.

Дополнительное общение увеличило добавочную нагрузку на его и без того заполненное расписание искусства и школы, РОВЕСНИКАМИ из класса и меня.

Но я вижу в нем некоторые изменения к лучшему, и, кажется, это все стоит того.

Он стал более внимательно наблюдать за людьми, и я могла сказать, что он применял манеры или фразы, которые, вероятно, использовали другие стажеры.

Несмотря на то, что я была катализатором на его пути стать более общительным, по словам его мамы, стажировка действительно вытащила его из скорлупы.

Возможно потому, что другие стажеры тоже были парнями. Или потому, что он должен говорить весь день об искусстве: прожевывая его, дыша им, живя им.

Что бы это ни было, я была рада.

Неважно, как сильно я скучала по нему.

Это то, чего я хотела с самого начала.

Когда мы могли, то все еще переписывались по почте. Мы все еще виделись насколько это было возможно.

Но чрезвычайным отличием было то, что мы перешли от нашего изначального времяпровождения, когда мы были склеены словно сиамские близнецы, к случайным моментам, которые были в то время.

Это был сложный переход.

Для меня.

Если ему и было трудно находиться вдали от меня, то я этого не знала.

Он держал свой ритм и следовал ему, будто он был единственно возможным.

Наши физические отношения немного замедлились, поскольку мы едва проводили время наедине, кроме машины.

Пару дней, когда мы ехали в школу, его рука бродила по моей ноге, и я раздумывала над тем, стоит ли пропустить первый этап, чтобы получить хоть какое-то его общение.

Конечно, я не хотела, чтобы его родителям позвонили из школы из-за того, что он опаздывает или отсутствует, но...

Черт побери!

Я скучала по нему!

На некоторое время моя совесть победила, и я даже гордилась тем, что решила продолжить движение, пока мы не приехали в школу, где целовались несколько минут и шли к нашим шкафчикам.

Но... Я не всегда была такой сильной.

На самом деле иногда я забирала его на пару минут раньше, чтобы у нас была возможность найти место для парковки.

Я понятия не имела, как сильно жаждала его прикосновений. Хотела слышать его голос. Неважно, насколько ограниченными были его слова.

Он так быстро стал всем для меня, что я не заметила, как это произошло, пока все не зашло слишком далеко.

Я так далеко зашла.

О чем я понятия не имела.

За неделю до выпускного я была всем сыта по горло.

Я была занята покупкой платья, подготовкой и учебной, и старалась поспевать за моими друзьями и парнем.

Я уверена, что была рассеяна даже больше, чем обычно, и наша поездка в школу проходила тише, чем мы привыкли. Но у меня было так много всего в мыслях, поэтому я даже не думала об этом.

Мы ехали в школу, проезжая мимо одной из нескольких дорог, которую мы провозгласили нашей, когда наша потребность побыть наедине была слишком много раз проигнорирована, и я начала разговор:

— Твои друзья из музея пойдут на выпускной с их девушками?

Рука Колтона сжала мою чуть сильнее, чем обычно, потом я почувствовала, как он поерзал на месте и громко заговорил в тихой машине.

Положив наши руки на мое колено, он задал самый милый вопрос, который я когда-либо слышала:

— Лили, тебе бы понравилось, если бы мы...

Я не буду повторять его здесь.

Но вы, вероятно, поняли суть.

Это достаточно много для третьей базы.

Хорошо, это почти хоум-ран* (*Хоум-ран (англ. Home run) — разновидность игровой ситуации в бейсболе, представляющая собой хит, во время которого отбивающий и бегущие, находящиеся на базах, успевают совершить полный круг по базам и попасть в дом (то есть совершить пробежку), при этом не имеется ошибок со стороны защищающейся команды. (В

рассматриваемом контексте данный термин предполагает занятие сексом).

Машину занесло из-за того, что я сильно и неожиданно нажала на тормоз.

Я стукнулась об руль, выбивая дурь из моей ноющей груди, и уставилась на него, как Бэмби, который наблюдал за смертью своей мамы:

— Что? — я уверена, чтобы это был красноречивый ответ. — Я имею в виду, что мы уже довольно... Физически...

Я знала, что у нас было, и меня не удивило, что он предложил это.

Но слышать, как он говорит это, полностью отличалось от всего.

Он напрягся на сидении и на мгновение посмотрел на меня:

— Джастин и Кит много говорили о своих подружках и о том, чем они занимаются...

Затем он продолжил стационарную тираду о моих женских прелестях и о том, как они предполагали, что он сделает с ними. А также, что их девушки любили делать для них.

— Ну, нет. Я понимаю, о чем ты говоришь, — я пыталась остановить его, подняв руку, в то время как еле сдерживалась от смеха и в тоже время умирала.

Я сбавила скорость машины, осторожно думая на счет моего следующего предложения.

Остановившись на пустом участке лесистой грунтовой дороги, я заглушила двигатель и повернулась на сидении, чтобы оценить его.

Этим утром мы определенно опоздаем.

Об этой части наших отношений мы мало говорили — все произошло само собой.

Но, думаю, что услышав это от двух людей, которых он считал «нормальными», Колтон сильно на этом сфокусировался.

Очень сильно.

— Это то, что ты бы хотел сделать?

Его глаза смотрели в окно, пока он думал:

— Я видел такое раньше. Хотя я не совсем уверен, в чем смысл.

Итак, он смотрел видео.

Видите?!

Прям, как обычный парень!

— Потому что это хорошо ощущается. Как, например, когда я касаюсь тебя, пока мы целуемся.

Коварная улыбка. Конечно, хорошо!

— В действительности, в этом нет такой уж необходимости, ну, знаешь... Это не то, что люди должны делать, чтобы показать свою любовь.

В то время я понятия не имела, почему пыталась отговорить его.

Возможно, глубоко внутри себя я знала причину.

— Колтон?

Он посмотрел на меня тем взглядом, его губы выглядели такими мягкими, и его лицо было озадачено.

— Ты... Ты бы хотел? Я имею в виду, это не обязательно.

Я любила его.

Я хотела этого.

Но только, если он хотел.

Он должен хотеть. И это должно быть его решением, а не по какой-либо другой причине.

Его «да» колебалось. Он выглядел неуверенным, и если быть честной, то я тоже.

— Да.

— Да?

— Да.

И затем мое беспокойство проявилось.

Что, если это было плохим фильмом?

Я могла быть очень, очень, очень плоха в этом.

Я запаниковала.

У него заняло пару мгновений, чтобы принять свой ответ, и через пару глубоких вдохов его глаза на секунду посмотрели в мои. Затем он кивнул, и мы затихли, когда перемещались на заднее сидение.

Я немного была напугана.

Ладно, сильно напугана.

— Просто скажи, если это будет слишком или не будет ощущаться хорошо, ладно?

Я знала, что он будет честен. Это не было проблемой.

Проблема была в том, что я никогда не делала этого прежде.

Я не торопилась, но он дрожал, его глаза были полузакрыты, а губы трепетали под слегка покрасневшимися щеками.

Его грудь вздымалась и опускалась в неустойчивом ритме, и я приготовилась, что он попросит меня остановиться.

Но он не сделал этого.

Через несколько минут я забеспокоилась и снова посмотрела вверх, чтобы увидеть, как его лицо кривится от беспокойства.

Поэтому я замерла:

— Мне стоит сделать что-то другое?

Он закрыл глаза и поднес кулак ко лбу, терпя бедствие.

— Слишком много, — выдохнул он. — Я не могу... Я не могу...

И он медленно начал расстраиваться.

Я давно не видела, как он паниковал, за исключением Рождества, но это, казалось, было так давно.

Слова душили его и то, как его тело реагировало, ощущалось хорошо, но не сейчас.

Сейчас все отличалось от тех вещей, которые мы делали раньше.

— Все в порядке, — сказала я ему, отодвигая испытанные мной чувства в сторону, когда слышала его. — Мы можем остановиться. Мы не обязаны. — Обещала я ему.

Правда была в том, что я чувствовала себя неудачницей.

Но это было не про меня.

Он становился более возбужденным, качая головой вперед и назад, закрыв глаза, и поднял кулаки к крыше машины.

Слова, выходящие из его рта, были повсюду, но я могла понять, что он имел в виду.

Он просто хотел делать то же самое, что и другие, и был расстроен, что для нас это было так трудно.

— Для других это не сложно, — его глаза были открыты, и он смотрел в окно, его руки были прижаты к потолку, в то время как он тяжело дышал.

— Ну и что? Ну и что, что другие делают эти вещи? Мне все равно, — я потянулась к его лицу, сдерживая слезы, которые вновь угрожали показаться.

Потому что в его глазах также были слезы.

— Мне все равно, что делают другие люди. Потому что никто из них не ты.

Он закрыл глаза.

— Я хочу только тебя, несмотря ни на что, хорошо? Только ты и я. Остальное не имеет значение.

Это было правдой. Все, что мы испытывали физически.

Я не могла сказать, что эта конкретная активность была неприятной.

Он и так предложил намного больше.

Я залезла на его колени, расставив ноги по сторонам, ухватив своими ладонями его затылок, и прижимаясь к нему лбом.

В таком положении мы молчали около минуты прежде, чем он перестал дрожать. Сначала его руки легли на мои ноги и сильнее прижали к его телу.

Я согнула бедра и сжала их напротив него, ощущая, как рвано он дышит.

А затем он медленно открыл глаза:

— Это заставляет шум исчезнуть.

— Да? Когда я так сжимаю тебя? — я снова сделала это.

Он кивнул, позволяя своим векам закрыться.

— Я запомню это, — прошептала я, крепко целуя его в лоб.

Его руки начали бродить по моей спине и под моей футболкой, и он сделал долгий и медленный выдох:

— Ты мой покой, Лили.

— Я та, из-за кого ты на взводе, в первую очередь, — пробормотав, покачала я головой.

Его пальцы прошлись по моей талии:

— Насколько я помню, ты была той, кто мог успокоить меня.

— Как это возможно? Когда мы были детьми, я каждый раз почти умирала, когда мы были вместе. Я — путаница. Я — хаос.

— Нет, — прошептал он. — Ты — моя прекрасная Лили. Ты та, кто делает все правильно в моем мире.

В тот день я почувствовала, будто мы одинаково смотрели друг на друга.

Глава 14

Затем настал выпускной.

Однажды я смотрела фильм, там главная героиня сказала, что для подростков выпускной был важным обрядом посвящения. Что его нельзя пропускать.

Думаю, что это довольно верное утверждение потому, что я слышала о девушках, которые пропустили его и это наложило отпечаток на всю их жизнь.

Будто они в конечном итоге сходят с ума, пишут мемуары, находясь за решеткой, из-за той ночи, когда они пропустили свой выпускной.

Серьезно.

Как смотреть эпизод «Преступление в объективе» * (*американский сериал о тяжких преступлениях, совершенных женщинами).

В любом случае, несмотря на то, что, по общему мнению, выпускной являлся важным событием, я не совсем уверена, что согласилась бы с этим утверждением.

Это были всего лишь очередные танцы с людьми из школы.

Только платья были дороже, и танцы проходили в гостинице, вместо спортзала.

Думаю, что мы слишком сильно заботимся о такого рода вещах. Что они определяют моменты, которые мы не можем пропустить только потому, что это событие бывает лишь раз в жизни.

Пока я думаю, что воспоминания — это хорошо, и их лучше копить, чем фактически пережить такое событие.

Возможно, если мы прекратим пытаться достичь стандартов величия, то будем довольны тем, что имеем.

Я бы хотела, чтобы у меня был тот же настрой отпраздновать выпускной, когда он настанет.

Но мне стоило ожидать, что не получится так, как я хотела.

* * *

Мое платье было белым.

К большой досаде моего папы.

Он продолжал пялиться на меня, будто я выбрала чертово свадебное платье.

Мне пришлось бесконечное количество раз демонстративно закатывать глаза, и он, наконец, перестал таращиться.

Я сделала все, даже подобрала свои волосы наверх...

Той ночью я действительно хотела почувствовать себя красивой.

Конечно. Я. Я все еще девушка.

Я готовилась с Харпер в своей комнате, когда раздался первый телефонный звонок.

Это была миссис Нили, и ее голос был извиняющимся.

Она сказала, что Колтон все еще делал что-то для одного из своих экспонатов, поэтому он задержится, чтобы это закончить.

И, насколько я знала, Колтон всегда завершал любой проект, которые ему давали.

— Как вы думаете, когда он закончит? — я держала телефон около уха, пока пыталась не покраснеть и не начать печалиться.

Миссис Нили не знала, но обещала перезвонить, когда узнает. Она попытается снова напомнить ему, насколько важным для меня было его обещание. И что та его работа может подождать.

У миссис Нили был характер.

Как только я отключила телефон, меня накрыло разочарование.

Моя лучшая подруга пыталась заставить меня почувствовать себя лучше, просто...

Ну... Оставаясь просто Харпер.

Она шутила и корчила глупые рожицы, чтобы отвлечь меня от этого.

Но не было никакого сомнения, что снова все будет похоже на День Святого Валентина, и снова я одна буду в лимузине, как в ту ночь.

Одна на ужине.

Одна на танцах.

Я сфотографируюсь одна с группой, а не в паре.

У меня не было букетика.

Труднее всего было смотреть, как встречаются остальные, как они подходят и смотрят друг на друга влюбленными глазами.

От этого становилось не по себе еще больше, чем находиться одной в ту ночь.

На Квинн было розовое платье, а на Сойере розовая жилетка.

На Харпер было желтое платье... И у нее были запланированы два свидания.

Мне повезло, что у нее было двое: Блейк и Дерек.

Смейтесь сколько хотите, но ни один из парней не беспокоился, что оба были на танцах с ней.

Я уверена, она пообещала им что-то, о чем я не хотела знать.

После всего прогресса, которого она достигла...

Они были милыми. Привлекательными. Веселыми.

Она была рада.

И я ничего не могла сказать ей об этом.

Тигры не меняют свои полосы, как бы сказала моя мама.

Или это про зебр?

Тема танцев — Джеймс Бонд или что-то вроде того.

Как только вы входили через дверь, вас фотографировали.

Мне было очень грустно от того, что я одна, одна на фотографии, когда на самом деле у меня был парень.

Его просто здесь не было.

Но прежде, чем я зашла в просторный зал, Харпер остановила меня и отвела в сторону, попросив Блейка сопровождать меня, если я не против.

Мне же действительно было все равно. Я не собиралась покупать одну из тех фотографий. Я просто не хотела, чтобы люди смотрели на меня тем жалобным взглядом.

И фотограф останавливал каждого, чтобы сделать фото у двери.

Итак, на самом деле, какой у меня был выбор?

Блейк был высоким и загорелым, с небольшим ирокезом на голове.

Мне было интересно, есть ли у него тату... Пирсинг или что-то такое же экзотическое, как и его гавайские корни. Интересно, сколько ему на самом деле лет, потому что у него было детское лицо, но мужское тело. Вероятно, он занимался в спортзале пять дней в неделю.

Готова поспорить, что ему около двадцати.

У него была легкая улыбка, и она напоминала мне тех парней, которые подмигивали после того, как сказали что-то, и думали, что это мило.

Я поблагодарила его за то, что он сжалился надо мной и взял под руку, останавливаясь перед фотографом, немного улыбнувшись, прежде чем мы вошли через дверь к подпрыгивающим телам, напоминающим людей со школы.

Половина девушек выглядела как королевы красоты, а другая половина как проститутки.

Мне стало интересно, на кого походила я.

Блейк запросто приглашал меня на жалкие танцы и таскал выпивку.

Я честно пыталась получать от этого удовольствие, неважно насколько пустой я была внутри.

Объявили Короля и Королеву бала, и я потеряла дар речи, когда ими оказались Квинн и Сойер. Они взяли свои короны и поцеловали друг друга перед всеми школьниками.

Это что-то значило. Это просто... Произошло.

Независимо от того, кем они были в классе, они были Квинн и Сойером.

Все знали их.

В последний раз у них были равные возможности.

После их танца, Харпер потянула меня в сторону и сказала, что пойдет на перекур с

Блейком.

Дерек же нашел компанию за столом, где мы спрятали наши вещи.

Мне стало смешно, когда он стал болтать со снобистской чирлидершей Клэр.

Я вышла на улицу с Харпер потому, что мне было нечем заняться.

Я подумала, что это свежий воздух немного прояснит мне голову.

Буду честной, настроение мое было ниже нуля, и я была мрачной.

Харпер и Блейк стояли около отеля, вниз по улице, курили сигареты и целовались.

Я почувствовала себя третьим лишним, но похоже, такова была тематика вечера.

Было холоднее, чем я ожидала.

Я не взяла куртку, поэтому обняла себя, наблюдая за тем, как ветер колышет подол моего платья.

Вот почему я не заметила, как подошел Блейк и набросил свою куртку мне на плечи.

Я не заметила этого, пока не подняла взгляд.

Он прищурился от дыма свисающей с его губ сигареты, когда набросил куртку на мои плечи.

Я поблагодарила его, он улыбнулся и взял сигарету в пальцы. Помню, как наблюдала за тем, как он стряхнул пепел и его подхватил ветер.

Это было немного поэтично, если вы интересуетесь такими вещами.

Харпер разговаривала по телефону со своей мамой, поэтому мы болтали, слушали как музыка с танцев прорывалась через каждую щель в здании.

Она была громкой. Такой чертовски громкой.

И, может, поэтому я не обратила внимание на телефон в моем небольшом клатче.

Или, возможно, из-за больших порывов ветра я не слышала, как кто-то звал меня с улицы.

Я не слышала шаги.

Возможно, поэтому я не задумывалась над тем, как близко стояла к Блейку или как его руки поглаживали меня в попытке согреть, пока мы ждали, когда его «визави» наговорится по телефону.

Нет.

Я не слышала ничего из этого.

Но я увидела кулак Колтона прежде, чем он столкнулся с челюстью Блейка.

Оглядываясь назад, я должна была знать, что если Колтон увидит меня с другим парнем, то это выведет его из себя.

Но я не слышала звонка Шейлы.

Я не знала, что Колтон переоделся на работе, и его друг-стажер Кит проводил его ко мне на встречу.

Я ничего из этого не знала.

Все, что я знала, что была на выпускном с парочкой друзей, ожидая своего парня, который появился из ниоткуда, чтобы защитить меня безо всякой причины.

Колтон быстро запрыгнул на Блейка и швырнул его на землю, пока Блейк пытался оттолкнуть его, выкрикивая ругательства, в то время как я кричала, чтобы они прекратили, и пытаюсь объяснить, что Колтон был другим...

Чего я никогда не хотела говорить прежде, но Блейк понятия не имел, и я ничего не сказала ему о своем парне.

Плюс, я даже не знала, собирался ли он появиться!

Они катались на бетоне, пока Блейк не уселся на Колтона сверху, прижимая его к земле и удерживая его руки на груди, пока мой парень боролся и выкрикивал слова, которые я никогда не слышала от него прежде.

Я должна была быть в растерянности... Злой... Насколько я знаю, я должна была накричать на него и уйти...

Но я не могла.

Он был моим Колтоном.

Он сосредоточился и успокоился, когда я надавила на его грудь, стоя на коленях возле него.

Холодный бетон и еще холоднее ветер пробрался до моих костей, пока я говорила ему на ухо. Я объясняла, что в действительности Блейк был на свидании с Харпер, и он одолжил мне свою куртку, потому что мне стало холодно.

Я хотела сказать: «Потому что тебя не было здесь».

«Потому что я не могла взять твою куртку».

«Потому что ты бы даже не предложил ее мне...»

Вместо этого я положила руку на его лоб и шепотом попросила, чтобы он взглянул на меня и послушал.

Блейк осторожно слез с него, отошел назад и потер свою челюсть.

А Харпер просто смотрела, будто была частично поражена и частично напугана.

Когда Колтон, наконец, встал на ноги, его костюм был помятый и грязный...

Мой букетик был разрушен и валялся на земле... Мое платье было в пятнах от грязного тротуара... На его лице было раскаяние.

— Мы уходим.

Он указал на кого-то, кто стоял в стороне.

— Я привез его из музея, чтобы убедиться, что он доберется сюда, — через мгновение незнакомец протянул мне руку. — Я Кит. Я так понимаю, ты, должно быть, Лили?

Я только кивнула.

Он осмотрел меня с головы до пят и немного улыбнулся:

— Теперь я понимаю, почему он подрался из-за тебя.

Впервые я потеряла терпение из-за наших отношений.

Не потому, что Колтон был тем, кем был... Он тот, кто он есть... А потому, что это произошло со мной.

Если кто-то со стороны, кто не знает нас, посмотрел бы на все произошедшее сейчас, он точно решил бы, что Колтон — плохой парень.

Все эти нежные и сладкие вещи между нами были наедине.

А все косяки — на публике.

И, возможно, я устала понимать его.

Так как мы были вместе достаточно долго, мы могли сесть и поговорить о том, как его действия заставили меня почувствовать себя в ту ночь.

Я молча отвела нас в наш номер отеля, даже не удосужившись сказать что-то нашим друзьям.

Харпер знала, куда мы идем и могла сказать это, если понадобится.

Колтон был слишком спокойным и просто следовал за мной в комнату. Без вопросов. В нем был тот тип веры, который заставлял мое сердце болеть.

Я знала, что мне нужно привести себя в порядок, поэтому пошла в ванную, чтобы

переодеться в пижаму, забыв о том, что я положила тупую маленькую ночнушку, вместо обычных шорт и футболки.

Ночнушка вряд ли была уместна, поэтому я остановила свой выбор на трусиках, которые я упаковала, чтобы одеть на следующий день, и майке.

Я распустила мои дурацкие волосы, ругаясь на раздражающее количество используемых заколок, которые их удерживали. На моих волосах было слишком много лака, поэтому я собрала их в небрежный хвостик. Я сняла макияж, который был мне не нужен для встречи с моим парнем.

Когда я вышла из ванной, он сидел на кровати. Без обуви. Без куртки. Смотрел на стену. Колтон сделал глубокий вдох.

— Лили... Иногда я думаю, что в отличие от других у меня никогда не получится быть тем, кто тебе нужен, — сказал он, продолжая смотреть на стену.

— Ладно. Ну, иногда я тоже это чувствую, — я была честной, когда залезла под одеяло, чтобы сесть рядом с ним и уставиться в то же место, куда смотрел он.

Он переместился на кровати и прикоснулся пальцами к моей ноге, нежно проводя по моему колену:

— Я определенно так не чувствую. Ты всегда была терпеливой.

Я кивнула:

— Да. Но это трудно.

Его молчание дало мне знать, что он хотел дальнейшего объяснения.

— Послушай, — начала я, подбирая слова и стараясь сберечь свое сердце от полного краха, — сегодняшний вечер для меня был особенным. И тебя здесь не было.

— Меня попросили задержаться на работе.

Наконец, я рискнула посмотреть в его глаза:

— Но ты пообещал мне первой! Помнишь это? Я специально спросила, не хотел ли ты пойти со мной на выпускной, и ты согласился. Колтон, ты сказал «да».

Если «осознание» можно было увидеть, то в тот момент оно вспыхнуло на его лице:

— Я помню.

— Помнишь? — я переместилась и посмотрела ему в лицо. — Для меня это было важно потому, что в последнее время из-за твоей новой работы мы видимся очень мало. Это было важно, потому что мы скоро выпускаемся. Я хотела провести время вместе с нашими друзьями. Потому что дружба — это важно.

— Дружба важна для меня. Ты важна для меня.

— И ты важен для меня. Очень важен. Я хочу проводить с тобой некоторое время. Я нарядилась и уложила волосы и, просто, все это стоило стольких чертовых усилий... — в этот момент слезы действительно жгли мои глаза. Пока его рука не обхватила мой подбородок.

— Все это неважно.

— Для тебя, — я посмотрела в его глаза. — Это было неважно для тебя! Не для меня! Для меня это было важно. И мне нужно было, чтобы ты... Сделал меня важной. Для себя.

— Ты всегда была важна для меня.

— Я всегда была важна здесь, — указала я на его сердце, — И здесь, — теперь на голову. — Но мне нужно быть важной повсюду. Не только, когда мы наедине. Не только тогда, когда ты чувствуешь, будто у тебя есть время. Я также важна, как и твоя работа. И ты обещал мне прийти на выпускной. Я не обращала внимание на другие вещи, но сегодня мне

нужно, чтобы ты понял, что ты задел мои чувства, и я хочу, чтобы твои обещания мне были также важны, как и обещания другим людям. Если ты говоришь, что сделаешь что-то со мной, то делай это!

Моя грудь напряглась.

— Я понимаю.

Вот просто так.

Это было сказано, значит это должно быть сделано.

Я не заставляю его делать ничего, кроме как держать свое слово.

И именно тогда это произошло.

— Я люблю тебя, Колтон! Люблю! И я хочу, чтобы мы были вместе.

Его молчание было пронизывающим, и мое сердцебиение в ушах угрожало сделать меня глухой.

Но я должна была дать ему преимущество.

— Не говори это в ответ, хорошо? Я просто хочу, чтобы ты знал, что я... Я люблю тебя.

Рот Колтона начал медленно открываться, а затем медленно закрылся, он взял мою руку в свою и посмотрел на нее.

Я закрыла глаза и отогнала свою тревогу, чувствуя, как его пальцы путешествуют по моей коже.

Как узор.

Он проводит мягкие линии по моей руке.

Словно кисть, поглаживая мою кожу.

Мне не нужно было, чтобы он говорил это вслух. Он сказал мне это своим прикосновением.

Его поступки, вместо его слов, закрепили то, что было нужно моему сердцу.

Глава 15

С того момента Колтон делал именно то, что он говорил.

Если мы строили совместные планы, то он придерживался их.

Его мама присматривала за этим, если вдруг получалось так, что он двигался в другом направлении.

И он ставил меня на первое место, что ощущалось замечательно. И это не было принудительно. Мне просто нужно было расставить приоритеты и говорить именно то, что я имею в виду. Быть буквальной.

У нас было взаимопонимание, и это работало.

Последние три недели школы пролетели быстро.

Между подготовками к экзаменам и самими экзаменами моя голова была занята совершенно другим мыслями.

Мы с Колтоном учились, когда была возможность — общались лично, на компьютере или через телефон.

Я смирилась с нашими отношениями, в том числе и с тем, какие они были — прекрасными и мучительно сладкими.

Мы ценили наше время.

Наши отношения, в отличие от отношений других знакомых нам людей, были основаны на нечто большем, чем просто секс. Даже если у кого-то из них происходило что-то большее, это не имело значения для меня.

Мне не нужны только школьные воспоминания для того, чтобы быть счастливой.

Экзамены я сдала отлично. Колтон, очевидно, так же.

До выпускного дня он больше не задерживался на работе допоздна. И он был прямо на трибуне при получении диплома.

Было радостно и одновременно горько обнимать Квинн позже.

И было знаменательным быть заключенной в объятиях Сойера, когда он кружил меня, как тряпичную куклу, а его выпускная мантия укутала меня ослепляющим красным материалом.

И Колтон не ударил Сойера.

Он доверял ему.

И он так же будет скучать по ребятам. Я была уверена в этом. Так же, как и они будут скучать по нам.

Это было таким достижением, и я чувствовала, как меня распирает от гордости при виде того, как мой парень получает свой диплом перед таким количеством людей, и у него не произошло ни одного из его «моментов».

Казалось, будто все, наконец-то, наладилось, и началось что-то новое для всех нас.

* * *

Длинные дни приносят длинные ночи и с этим обычную скуку.

Но не в этот раз.

Мы все были постоянно чем-то заняты.

Казалось, месяцы промчались быстрее, чем я даже могла представить себе.

Не поймите меня неправильно, это было замечательно. Но как говорится в старой поговорке «все летит быстрее, когда тебе весело».

Мы с Колтоном нашли отличный совместный неспешный ритм, и, казалось, что у него было меньше стресса от того, что он не находился в школе.

Он процветал в музее, был сосредоточен на своей работе, и проводил свое свободное время с нашими друзьями и со мной.

Но очевидно, что наше с ним времяпровождение наедине нравилось ему больше всего.

Мне пришлось согласиться.

Когда погода позволяла, мы проводили время снаружи дома.

Некоторые из моих лучших воспоминаний за лето были именно те, когда мы были среди деревьев на берегу реки в лесу за его домом.

Там, где я могла сидеть и читать, пока он рисовал.

И было прекрасно наблюдать за тем, как он рисует.

Казалось, он идеально запечатлевал краски природы, и это поистине было каким-то волшебством — наблюдать, как он растворяется в том, что так сильно любит.

К тому времени молчание между нами стало комфортным.

Казалось, у нас было все время в мире.

За те месяцы я научилась ценить многие вещи, которые я, вероятно, в течение долгого-долгого времени воспринимала как само собой разумеющиеся.

Джон Леннон однажды сказал, жизнь — это то, что происходит с тобой, пока ты оживленно строишь другие планы.

Он был удивительным человеком, и теперь я поняла, что он имел в виду.

Я уверена, что вам интересно, почему я пишу о своих отношениях с Колтоном.

Помимо очевидных трудностей, с которыми мы сталкивались, и кроме того, что мы молоды, здесь должно быть больше истории, верно?

Иногда происходящее заставляет вас остановиться на миг и обратить внимание, открыть глаза на большее количество новых вещей.

Это как если бы вы спали в течение первых восемнадцати лет своей жизни.

Но планы меняются.

Жизнь меняется.

И в конечном результате любовь тоже меняется.

* * *

Я помогла Шейле организовать вечеринку на его восемнадцатилетие.

Очевидно, что эта вечеринка не была сюрпризом, поэтому мы убедились, что планы должны быть неизменными и заранее рассказали ему, что это важное событие для нас, чтобы отпраздновать тот факт, что он был потрясающим, живым и в наших жизнях.

Конечно, на его день рождения пошел дождь, и все что мы запланировали, пришлось изменить потому, что мы не могли устроить барбекю под ливнем.

Мы с его мамой были больше разочарованы, чем он сам, потому что все пошло не так, как мы надеялись.

Но все наши друзья были там, и почти все гости остались, так что его праздник был уютным и комфортным.

Так что это *могло означать что-то*.

Казалось, Колтон действительно хорошо провел время, и Шейла, убираясь после ушедших последними гостей, поцеловала меня в макушку.

Ей не нужно было произносить это вслух, но было очевидно, что у Колтона никогда не было праздничной вечеринки. На самом деле нам пришлось составить список тех, кто был приглашен, и записать их номера, что вызвало у нее слезы.

Должна отметить... Это заставило также плакать и меня.

После того, как все ушли, а дождь почти прекратился, я предложила Колтону прогуляться.

Честно говоря, я просто хотела побыть с ним наедине в его день рождения, и получить то, что я могла.

Мы пошли вниз по улице, рука об руку, идя в тишине по тротуару, в то время как становилось темнее.

И вдруг меня осенило, что его день рождения подразумевал в наших отношениях:

— Теперь мы ровесники, — я рассмеялась и сильнее сжала его руку.

— Это тебя беспокоит? — спросил он, наклоняя голову в очень милой манере.

Я покачала головой:

— Нет. Просто мы теперь одного возраста.

— Технически, ты все еще старше меня на несколько месяцев... — начал он, но я оборвала его, игриво сжав его плечо.

— Меня не волнует это технически. Мы одноклассники. Не спорь.

Со временем это стало легче.

Он все еще был тем, кто воспринимал все буквально, и всегда будет таким, но если бы я изложила свою историю достаточно хорошо и дословно, то он бы, думаю, посмеялся.

Мы дошли до края леса, и я прислонилась к старому огромному дереву с густыми листьями, с которых капали капли дождя на мою голову.

Но наблюдение за Колтоном в лунном свете не причиняло никакого дискомфорта, и казалось таким незначительным, что в какой-то момент я просто перестала обращать внимание на все это.

Я прошептала ему на ухо, что люблю его, и сказала «С Днем Рождения», обещая, что в следующий раз будет лучше. И еще в следующий.

Я целовала его до тех пор, пока луна, как мне показалось, не начала ревновать.

Затем случилось все сразу — и лунный свет исчез, и с неба на нас обрушился проливной дождь.

Забудьте о том, что я была расстроена, что капли капали с листьев дерева.

Я была как утонувшая крыса и истерически хохотала, в то время как дождь лил как из ведра.

Когда молния сверкнула над головой, за ней последовали раскаты грома, настолько громкие, что земля затряслась под ногами.

Я мельком увидела на лице Колтона то выражение лица, которое было у него много лет назад в тот день, когда я впервые пришла к нему домой, чтобы «понянчиться» с ним.

На этот раз он не затыкал уши. Вместо этого он схватил меня за руку и побежал, перепрыгивая через лужи, в сторону дома.

Я любила те воспоминания.

Возможно, любила больше остальных моих воспоминаний о нас.

* * *

Лето почти закончилось, и я была так сосредоточена, что должно быть не обращала внимания ни на что.

Потому что когда я теперь оглядываюсь назад, то думаю, что там были небольшие подсказки.

Надеюсь, что они были.

Миссис Нили позвонила и попросила меня пригласить мою семью на ужин к ним домой.

Это было короткое извещение, которое было очень неожиданным.

Но она была так счастлива, уговаривая меня также привести наших друзей.

Теперь это больше не казалось странным приглашать их.

В любом случае, я пришла вместе с родителями.

Мне едва хватило времени, чтобы положить вещи в шкаф, прежде чем приехала Харпер и припарковалась в дальнем углу двора, где когда-то стояли качели.

И в том, как миссис Нили постоянно прерывала наш с ней разговор, постоянно передвигаясь по двору дома, я не заметила ничего необычного.

А стоило бы.

Знаете ли, удовлетворенная безмятежностью... Приводит к слепоте.

Позже я выяснила, что у Шейлы и Колтона была новость для нас.

Как тогда, когда он получил работу в музее, и через нее я узнала, что он должен был сам об этом сообщить. Всем.

Это была фирменная новость. Менее чем за двадцать четыре часа.

Новость, которая проделала бы дыру в моей груди и заставила мою жизнь пошатнуться,

как недоделанный карточный домик.

Он выглядел довольным.

А почему нет?

На самом деле, он был достаточно совершенен.

Я не могла спорить.

И он обращался прямо ко мне, когда впервые сказал это вслух.

Шейла собрала нас вокруг, одновременно подталкивая Колтона рассказать все. Ее улыбка была такой заразительной. Она была горда. Сияла от того, как далеко он продвинулся.

Она стояла рядом со мной и сжимала мои плечи:

— Он попросил вас собраться, чтобы сказать всем сразу.

Его отец стоял рядом с моими родителями, и его практически распирало от радости.

Мои мама и папа были вероятно так же смущены, как и я.

И, хотя я стояла в толпе людей, которых любила и которым верила, я никогда не чувствовала себя более одинокой, чем в именно в этот момент.

Колтон, такой счастливый и гордый, широко улыбается, и на мгновение опустил взгляд, прежде чем поднять его, и сказал так просто, как мог только он:

— Мне предложили стажировку в музее Англии.

В этот момент мое сердце умерло.

Выпало прямо из моей груди на ярко зеленую траву под моими ногами, в то время как я уставилась на него, онемевшая от шока.

— Я сяду на самолет и улечу из страны тринадцатого августа в девять часов вечера, — еще одна улыбка, радостные аплодисменты и поздравления толпы.

Но только не от меня.

Не от меня и моих родителей.

Возможно, еще и не от Харпер.

Я не совсем все помню потому, что в голове был сильный туман.

Воспоминания, пока они не слишком стары, сложно определить, потому что они нереальны, понимаете?

— Младший куратор будет сопровождать его. О нем хорошо позаботятся, — сказала Шейла так, будто это было самой очевидной вещью в мире, и это не мое сердце разбилось рядом с ней.

Я уронила чашку на пол, липкая жидкость вылилась на мои пальцы.

И я думаю, именно тогда толпа начала затихать.

— Что насчет школы? — мои руки дрожали так сильно, что я у меня даже не получалось унять эту дрожь.

Мы говорили об этом.

Я не уезжала так далеко.

В конце концов мы говорили о переводе в один и тот же колледж. Мы говорили о будущем...

Он посмотрел на меня таким выражением лица, которое медленно убивало меня изнутри.

Таким искренним.

Открытым.

— Я буду учиться за границей.

Именно тогда я потеряла всякое подобие контроля, моя голова упала на грудь, и я начала плакать так сильно, что из-за слез не могла разглядеть, что происходит вокруг меня.

— Ты бросаешь меня?

Я почувствовала, как чьи-то руки коснулись меня. Коснулись в надежде утешить.

Мои родители.

Возможно даже Харпер, но я не была уверена, потому что не позволила этому длиться долго.

Вместо этого я, оттолкнув их всех, не дав даже шанса Колтону сказать последнее слово, побежала через двор в дом, чтобы сбежать через входную дверь.

Глава 16

Тогда я поняла.

Все было кончено.

Не было никакого способа быть с Колтоном, если мы не были на самом деле вместе.

Реальность того, насколько наши отношения зависят от физического контакта и постоянной непосредственной близости, обрушилась на меня, как тонна кирпичей, в то время как я выскочила на подъездную дорогу к дому, а следом и на тротуар.

У нас были планы пойти в университет, чтобы быть рядом, так что это не было бы проблемой.

У нас были общие планы.

Мне нужно время, чтобы подумать.

Чтобы очистить разум.

Я могла слышать голоса наших матерей, зовущих меня. Я слышала голос отца.

Я знала по звуку преследующих меня шагов, что они принадлежат Харпер.

Но они не были теми людьми, которых я хотела бы видеть следующими за мной по улице.

Я хотела, чтобы это был Колтон.

Но с этого момента он больше не принадлежал мне.

Через пару недель он будет в другой стране. Процветая и делая то, что он хотел больше всего в жизни.

Возможно, наши отношения дали ему эту уверенность.

Он собирался стать стажером и рисовать в Англии. Он будет жить той невероятной жизнью, о которой мечтали его родители. Из-за этих изменений в его размеренной жизни он будет в порядке, потому что это связано с его страстью. Его главной любовью.

А я буду никем.

Простой девушкой, у которой исчезла половина сердца.

Возможно, с моей стороны это даже было эгоистично оставить его в тот момент, но я не осознавала своих действий из-за слез и разрывавшегося от боли сердца.

Я шла до тех пор, пока Харпер не подъехала ко мне на машине и не потребовала, чтобы я села, чтобы она смогла отвезти меня домой.

Уже дома я собрала вещи, оставила записку родителям и ушла, чтобы остаться с ней на оставшуюся часть уик-энда.

Харпер бесилась.

Она ненавидела Шейлу.

Они должны были сказать мне лично, чтобы я смогла правильно подготовиться к этому,

чтобы я смогла правильно среагировать.

Это была вина его матери.

Но я лучше знала.

Конечно, она видела во мне девушку в отношениях с ее сыном, но прежде всего она была гордой матерью.

И, откровенно говоря, я понятия не имела, как бы я отреагировала, если бы она сказала мне это наедине.

Хотя это не смягчало боль от обрушившейся на меня реальности.

В конечном итоге я отправила Колтону письмо, поздравляя его с выпавшим ему шансом.

И я никак не могла заставить себя поговорить с ним. Мне было слишком больно думать о том, что он мог дать мне подсказку о том, что что-то не так, но не совсем...

В результате разговоров мне бы пришлось лгать всю жизнь, чтобы позволить ему быть счастливым в будущем без меня.

Я была достаточно эгоистичной, чтобы не отвечать ему, потому что не смогла бы вынести того, что он скажет.

Мои родители пытались поговорить со мной, но впервые я попросила их оставить меня в покое.

Думаю, они не привыкли к такому, поэтому сделали то, что я потребовала.

Было много телефонных звонков, в том числе и с криками моей матери.

Я предполагала, что это была Шейла и поэтому она так резко разговаривала.

Но мне было все равно.

Я не стала зависимой в отношениях с Колтоном.

Я не думала так тщательно встроить себя в его жизнь, так как это привело бы к тому, что вся моя жизнь вращалась вокруг него.

Я полагаю, такова первая любовь.

Все переживали.

Но не я.

Мне было все равно.

Если бы я могла раствориться в стенах, то я бы сделала это.

За пару недель до моего дня рождения моя мама заставила меня сходить к нашему семейному врачу. Я не сопротивлялась, хотя знала, что в физическом плане со мной все было в порядке.

Мне исполнилось девятнадцать и вместо того, чтобы отмечать это со своим парнем, я погрузилась в депрессию.

Мой врач действительно был хорош — она сидела со мной и спрашивала, что происходит.

Когда же я описала, насколько это было возможно, что произошло, она смотрела на меня с сочувствием. Но не с таким сочувствием, чтобы назначить мне Валиум или что-то еще...

Когда я подъехала к своему дому и увидела снаружи машину Шейлы Нили, то почувствовала, словно мои внутренности упали прямо на пол.

Забавно, как много сценариев промелькнуло у меня в голове в тот момент.

Один, где я зашла и потребовала, чтобы она оставила Колтона. Другой — где я просто ехала и ехала, и ехала, пока бы у меня не закончился бензин, и мне пришлось бы устроиться официанткой, как героине в книге Николаса Спаркса (возможно, имеется в виду книга Н.

Спаркса «Тихая гавань», по которой снят одноименный фильм режиссером Лассе Халльстремом, в которой героиня, спасаясь от мужа-тирана, уезжает в прибрежный городок, где устраивается работать официанткой, и встречает любовь).

Еще один, где я протаранила машиной входную дверь, и врезалась бы прямо в ее колени.

Я думаю, что у меня была накопившаяся агрессия по отношению к ней, которую я не позволяла себе признавать до этого момента.

Но оказалось, что сейчас это именно то самое время, чтобы выговориться.

С мужеством, о котором я даже и не подозревала в себе до этого, я открыла дверь в свой дом и была шокирована тем, что увидела в гостиной.

Шейла... Лицом к лицу с моими родителями... Держала обернутый подарок, который был большой, практически с ее рост.

Это была та самая единственная вещь, которая вообще могла быть.

Судя по слезам в ее глазах и выражению лиц моих родителей, я поняла, что Колтон нарисовал мне подарок.

И я не знала, что с этим делать. Вообще.

— Что происходит? — спросила я, и вдруг мне стало больно не только за меня, но и за мальчика, который послал мне подарок.

— Колтон хотел, чтобы я отдала подарок на твой день рождения, так как он пропустит его.

Мои глаза вскользь встретились с ее, в то время как все мое внимание было сосредоточено на оберточной бумаге подарка:

— Почему он не принес его самостоятельно?

— Он не мог...

Ее голос дрогнул, и я все поняла...

Он понял. Разобрался. Он ограничил со мной отношения настолько, насколько возможно.

Я хотела накричать на нее.

Я хотела сказать, что можно было избежать всех страданий, если бы они сделали все по-другому.

Но я была в равной степени виновата, как и она потому, что позволила собственному чувству жалости поглотить меня.

Колтону это было нужно. Он нуждался в моей поддержке. Он нуждался в моих поздравлениях и... Просто...

Ааа, дерьмо!... Понимаете?

Я кивнула и шагнула вперед, машинально отметив, как мои родители в защитном порыве переместились в мою сторону.

— Вы не возражаете, если я поговорю с Лили наедине?

Шейла разбила мое сердце от того, насколько искренне звучал ее голос.

Но я знала, что нам нужно поговорить без присутствия моих родителей.

Я сказала им, что все хорошо, и присела на противоположном диване, лицом к ней, в то время как она села, почти разваливаясь на моих глазах.

— Вам наплевать на меня? — это вырвалось быстрее, чем я сумела остановить себя.

Ее глаза расширились, и она покачала головой:

— Нет... Боже, нет! Я не могу поверить, что ты так подумала...

— Тогда почему Колтон не сказал мне, что уезжает? Или вы, по крайней мере?

На мгновение, Шейла затаила дыхание, прежде чем заговорить:

— Оглядываясь назад, я понимаю, что это именно то, что должно было произойти. Мы понятия не имели, что так получится с его стажировкой, потому что... Так и есть, пока он не начал там работать. Они организовали ее специально для него, и чтобы не дать ему ложную надежду и не отнять ее, если она все-таки не состоится, они не говорили об этом, пока все не стало ясно. Конечно же, мне хотелось узнать об этом заранее, но я не могу вернуть время вспять и сделать все по-другому. Я спросила его, собирался ли он сначала сказать тебе об этом. И он был так горд, Лили! Он хотел сделать это объявлением. Он хотел, чтобы ты была там с остальными. И как только он настраивается на что-то, что в конечном итоге получается не так, как он того хотел, он начинает крушить все вокруг, чтобы изменить это, — ее брови нахмурились. — Когда ты снова появилась в нашей жизни на той ярмарке, я беспокоилась, что это расстроит его. Но спустя несколько минут после общения с тобой, он был спокоен. По крайней мере, он казался таким.

— Вы не видели меня, — было трудно поверить в то, что она говорила.

Она рассмеялась:

— Я мать! Я вижу все!

Это было волнительно.

— Я говорила тебе, что думала, что он забыл о тебе, хотя я знала, что это фактически будет невозможно. С тех пор, он говорил о тебе. Рисовал тебя. Разукрашивал. У меня есть чердак, который заполнен изображением твоего лица... — ее глаза расширились от паники. — Я не хотела расстраивать тебя, поэтому не принесла их. Но ты похожа на свет в конце туннеля, который он видел так четко. Думаю, я хотела сказать, что ты всегда была в его жизни. Я легкомысленно относилась к этому, и не могла даже предположить, что так будет всегда. Даже после года разлуки, — она улыбнулась мне грустной улыбкой. — Вы уже расставались на большее время прежде. Ты уезжаешь в колледж. Я бы никогда не подумала, что расстояние будет проблемой.

В этот раз я увидела ее.

Настоящую ее.

Она была простым человеком. С недостатками. Шейла Нили не была Супергеройским Родителем. Она очень сильно пыталась, как все в мире. Я бы поставила ее на такой пьедестал, на котором было бы трудно обернуть мой мозг вокруг правды.

Поиск нужных слов был нелегким. Мне понадобилось несколько минут, чтобы привести мысли в порядок, прежде чем я смогла говорить:

— Он психовал? — Она кивнула. — Ломал вещи? Из-за этого? — Еще один кивок. — Я люблю его, вы знаете. Это не как любовь к щенку или подростковая любовь. Я знаю, каково это быть с кем-то, потому что это легко, — я позволила этому предложению повиснуть на мгновение. — Быть с Колтоном не просто. Это тяжело. Это работа. Но если я думаю о жизни до него и жизни с ним... Борьба и работа стоит всего этого.

Она начала плакать. Серьезно, сильно плакать. И я не могла успокоить ее.

— Я уверяю тебя, что любовь ни для кого не бывает легка. Нигде.

— Вы правы. Но если бы мне пришлось выбирать между тем, как называют глупые люди, нормальной жизнью и жизнью с Колтоном, я бы каждый раз выбирала Колтона, — без лишних слов я встала и положила картину на пол, осторожно открывая ее, и убирая бумагу прочь. — Я бы села в самолет, чтобы полететь с ним, если бы мне дали шанс. Провела свой первый год колледжа, путешествуя и находясь с ним. Я бы сделала все это. Если бы мне

только дали шанс.

Ее молчание прерывалось лишь небольшими всхлипами.

Но я едва слышала их.

Потому что уставилась на картину Колтона.

С картины он сам смотрел на меня. Его положение тела было изображено на картине таким образом, что передавало его печаль. Его серьезное лицо.

Там, округляя каждый угол, цветные мазки перекрывали друг друга, и несли слова: «Я Люблю Тебя» снова и снова, и снова...

Порождая фон для его разбитого сердца. И моего.

— Он дома? — спросила я, когда встала на ноги, спотыкаясь о свои шнурки в спешке.

— Да.

Она задолжала мне время с ним, прежде чем он уехал.

И она знала это.

Я наблюдала, как она искала ключи в кармане, но к тому времени, как она нашла их, я была уже у двери.

Я не нуждалась в них. У меня был собственный способ, чтобы войти в дом.

Глава 17

Я беспокоилась из-за того, как он отреагирует, если я снова залезу к нему в окно спустя недели, которые мы провели порознь.

Одной части меня было любопытно, явилась ли я одной из причин из его кризисов. Другая размышляла, не преувеличивала ли Шейла все лишь только для того, чтобы я пошла к нему.

По дороге к нему я позвонила Харпер, и у нас состоялся приблизительно следующий разговор:

— Его мать приходила...

— Я ненавижу ее.

— Она не хотела, чтобы это произошло. Она просила его рассказать сначала мне.

— Хмм.... Ладно. Я оставлю за собой право пересмотреть свою ненависть немного позже.

— Он нарисовал мне картину, изобразил на ней самого себя. И повсюду было написано «Я Люблю Тебя».

— Seriously?

— Да. Сейчас я еду туда.

— Позвони мне позже.

Я даже не удосужилась припарковать свою машину на другой стороне дороги.

Уже подступали сумерки, и я знала, что мистер Нили был трудоголиком, поэтому работал допоздна.

И хотя я могла постучаться в дверь, но ощущалось все так, что я должна была в последний раз забраться по решетке.

Я так и сделала, со стучащим сердцем в ушах и трясущимися руками от тревоги, которая накрывала меня с головой.

Но в момент, когда я проверила щеколду, и поняла, что окно по-прежнему было не заперто, мои глаза непроизвольно наполнились слезами, и мне пришлось перевести дыхание и глубоко вздохнуть, прежде чем пролезть туда.

Мне интересно, было ли оно открыто все время, и он не думал об этом?... Или он проверял его каждую ночь, чтобы увидеть, что оно все еще было не заперто, просто на случай, если я приду?

В любом случае... Это заставляло меня чувствовать себя ужасно.

Я ввалилась в комнату практически на ощупь, уповая на Господа, что не сломаю себе ничего, когда пыталась распутать руки и ноги, зацепившиеся за подоконник.

Когда я выпрямилась, то поняла, что комната рисования была практически пустой.

Все было убрано.

Этот казался неправильным. Станным. Я никогда не видела комнату такой прежде.

Хотя, конечно, раньше Колтон не бросал меня.

После того, как я настраивала себя в течение нескольких секунд, я медленно пошла к двери и первое, на что упал мой взгляд в коридоре — его комната, из которой лилась мягкая музыка, заполняя пространство.

Я обратила внимание на освещение в его комнате, заметна была его тень, которая то появлялась, то исчезала вместе с его шагами.

Туда и обратно. Готовясь к отъезду.

Или он просто ходил?

Не беспокоясь больше о времени, я прокралась к его открытой двери и встала там, наблюдая за тем, как он двигался туда, а затем обратно.

Его взгляд был опущен, в то время как руки тянулись к чему-то, затем он замирал, а после повторял это движение снова и снова.

Он казался очень расстроенным.

Я осторожно постучала по облицовке дверного проема, задержав дыхание в момент, когда он резко повернулся и уставился на меня.

Просто смотрел. Без слов.

— Привет, — тихо сказала я ему.

Его реакция удивила меня.

В мгновение ока он рванул вперед, обернув руки вокруг моей талии, прижал меня к стене и, уткнувшись лицом в мою шею, глубоко вздохнул, при этом практически выдавив весь воздух из моих легких.

— Ничего не работает, — начал он, его руки поглаживали меня, в то время как он попытался снова: — Я пытаюсь.... И пытаюсь.... Но ничего не работает. Я не могу сосредоточиться. Я не могу... Не могу.

— Мне жаль..., - мне пришлось мысленно одернуть себя. — Я извиняюсь, что не пришла увидеться раньше.

— Ты была расстроена. Я причинил тебе боль. Должно быть что-то произошло, почему ты держишься от меня подальше. Верно?

Его нос был под моим ухом, и я отчаянно боролась с очередным потоком слез, потому что он не в полной мере все осознавал.

Все, что я знала, так это то, что он мог повторить слова Шейлы.

— Ты уезжаешь.

Его тело застыло, он медленно отстранился от меня и опустил глаза, разглядывая свои ботинки.

— Ты бы хотела, чтобы я остался?

— Нет! — Это была ложь. Но не вся. — Это... Такая... Отличная возможность для тебя

Тебе... Тебе стоит поехать, — на короткое мгновение его глаза встретились с моими, — Но пока тебя не будет, я буду очень сильно скучать.

Он слегка кивнул.

— Твоя мама привезла твой подарок на мой день рождения. Он прекрасен. Спасибо.

Грустная улыбка пересекла его рот:

— Я хотел, чтобы у тебя был я.

Боль в моем сердце выросла в тысячу раз.

— Я знаю, — моя ладонь прижалась к его щеке.

— Это было очень содержательно. Как и слова, которые ты написал...

Именно тогда его глаза встретились с моими.

Я до сих пор не уверена в том, что он увидел в этот момент, но мне казалось, что он смотрел и в мою душу.

— Я нарисовал правду, Лили.

Мое сердце замерло на миг.

— Да... Я люблю тебя. Мне стоило сказать тебе это раньше. Я знаю, что это значит, — когда он сказал это, у меня появилось чувство, словно эти слова вышли из его рта сами по себе, и это было почти болезненно. Его лицо исказилось, когда они сорвались с его губ, а брови сошлись на переносице. — Эта пустота здесь, внутри меня, — он положил мою руку на свою грудь, — значит, что я люблю тебя. Когда тебя здесь нет, я не могу сосредоточиться. Это слишком громко... Но мое сердцебиение успокаивается, когда ты рядом.

Под моей ладонью странный ритм биения его сердца был более очевидным, чем я когда-либо замечала прежде.

— Я мечтаю о тебе. И мне не нравится, когда я не могу говорить с тобой, видеть тебя или прикасаться, — его глаза снова нашли мои. — Это любовь.

Всхлип вырвался из моей груди, в то время как он с задумчивым выражением лица размышлял над этим.

— Да, так и есть, — кивнул он, словно придя к какому-то решению, — Моя любовь огорчает тебя?

Его взгляд окутал меня ощущением заботы.

— Нет, я не огорчена, что ты любишь меня.

— Тогда почему ты плачешь?

Непроизвольно из меня вырвалась усмешка:

— Потому что я счастлива.

Он казался еще больше озадаченным.

— Ну, в этом нет смысла. Плакать — это печально.

— Иногда, — громче рассмеялась я, — это означает счастье. Но... Девушки странные.

Его голова немного наклонилась, когда он задумался:

— Ты в этом больше понимаешь, чем я.

Я притянула его ближе, обернув руки вокруг его талии, и прислушиваясь к дыханию, пока мы стояли, прижимаясь друг к другу.

Я извинилась, он принял мои извинения, и мы снова были в порядке.

Это была наша идеальная красота.

Это было тем, что было на самом деле.

Без игр. Без притворства. Без обвинений или чувства вины, с которыми не было необходимости справляться.

— Тебе нужна помощь, чтобы закончить собирать вещи? — спросила я, уткнувшись лицом в его серую футболку на груди.

— Я предпочитаю целовать тебя до тех пор, пока тебе не нужно будет уйти домой.

Я начала улыбаться, а затем заколебалась:

— Я забыла взять зубную щетку.

Он ушел и вернулся меньше чем за пять секунд, держа новую зубную щетку перед моим лицом:

— Моя мама купила еще одну для моей поездки.

В очередной раз я была благодарна Шейле.

Он как всегда наблюдал, заставляя меня фантазировать насчет нас двоих, в то время как я полоскала рот. Затем я оказалась в его руках так быстро, насколько это вообще было возможно.

Дверь была закрыта. Музыка включена.

Я имею в виду, что не было никаких свечей и подобных романтических вещей, но мы были вместе в наш последний раз, перед тем, как он уедет на год.

Наше недавнишнее расставание не уменьшило нашу страсть, а сделало ее только сильнее.

Наши прикосновения были жесткими. Многозначительными. Медлительными. Я хотела, чтобы он запомнил все это.

Не теряя времени, я сняла с него футболку.

И в его руках не было ни малейшего колебания в тот момент, когда он возился с моей.

Здесь и сейчас были жаркие, нуждающиеся поцелуи.

Словно: *возьми их с собой, когда уедешь.*

Будто: *храни их в своей памяти, когда лежишь ночью в постели.*

Подобно: *Сейчас я вся твоя.*

Наши пальцы исследовали друг друга.

Я делала это с закрытыми глазами, по памяти, мое тело покрылось мурашками, и в то же время я чувствовала, как жар разливается по всему телу.

Он изучал мой шрам, снова и снова касаясь пальцами моей плоти, так мягко... Нежно.

Я поняла, что он вспомнил тот момент, когда однажды спас меня.

Но правда была в том, что позже он снова спас меня.

Мои прикосновения были грубыми, как он и хотел. Мои поцелуи были настойчивыми, как они и должны быть.

Когда я поняла, что лежу на его кровати, в моей голове не было ни одной мысли.

Я смаковала каждое прикосновение и вызываемые ими ощущения.

Каждый поцелуй. Каждое касание моих губ к его коже, запоминая все до мельчайших подробностей.

И когда он отстранился от меня, его глаза были слегка прикрыты, а бедра погружались вперед, и я не остановила его.

Я заморожено наблюдала.

В книгах и фильмах это выглядит намного легче, чем на самом деле происходит в реальности.

Но это намного труднее.

Это просто оказалось немного дольше, чем я ожидала.

Я не собиралась жаловаться, потому что в тот момент я хотела быть с ним, хотя бы в

последний раз.

Если он уезжает, то он заберет с собой все, что я дам ему с собой.

Его лоб нахмурился от... Беспокойства? Боли?

Я не могла определить потому, что изо всех сил пыталась не заплакать в конце всего.

Это было слишком напряженно. Этого было слишком много.

Вдруг мне пришло в голову, что для него это возможно в миллион раз сложнее.

— Колтон, посмотри на меня, — сказала я ему и он сделал, как я сказала. Его глаза неотрывно наблюдали за моими губами, когда я говорила. — Расслабься...

Как только я сказала это, думаю, что мы оба расслабились и, наконец, это произошло.

Это не было болезненно с Колтоном. Он не торопил события. Для него это было так ошеломляюще, что он изо всех сил пытался дышать.

Затем я пошевелилась только для того, чтобы притянуть его лицо к себе, крепко сжимая его затылок. Одновременно с этим я инстинктивно скрестила лодыжки за его спиной.

И сжала бедра напротив его торса.

Сильно.

Я уверена, что на мгновение мы оба закрыли глаза, но я открыла свои в тот момент, когда он удивленно смотрел на меня, его рот был открыт, будто он пытался заговорить.

Но нам не нужно было разговаривать.

Наше взаимопонимание и так было отличным.

Многие девушки, вероятно, лишались своей девственности быстро или болезненно, небрежно или неприятно.

У меня было не так.

Это было неудобно и немного неприятно.

Но я была с Колтоном. Он был моим первым. Моим единственным.

Осознание этого встряхнуло меня в тот момент, когда его голова упала на мое плечо и он прижал губами к моей шее.

— Лили... Лили, — продолжал он повторять снова и снова.

Я слегка ослабила свою хватку вокруг его талии, и держалась за него, пока он сжимал меня руками, используя всю свою силу, прижимая меня к матрасу и издавая негромкие стоны напротив моей шеи, прежде чем все закончилось.

Я прикоснулась к его лицу дрожащими пальцами, ожидая, чтобы он расслабился.

Я боялась, что он психанет.

Но когда он оторвался от моей шеи, его взгляд был спокоен.

Его пальцы прошли по моей голове, затем опустились по грудной клетке и ниже, пока я не почувствовала их на своем бедре. Это было таким нежным любовным касанием к моей коже.

* * *

После этого я просто держала его, лежа на его груди до тех пор, пока он не уснул.

Мое ухо оставалось прижатым к его груди, я слышала, как его дыхание выровнялось, а сердцебиение замедлилось.

Несколько слезинок скатилось по моему лицу, когда я закрыла глаза, лаская его бок и грудь пальцами.

Он сказал, что любил меня намного больше, чем это возможно.

Я прошептала в темноту, что буду скучать о нем намного больше, чем может себе

представить. Что я любила его больше, чем могло принять мое сердце.

И я не позволяла себе заснуть.

Я не могла попусту тратить это драгоценное время.

Спустя некоторое время я услышала, как его мама подошла к двери, и я ждала, зайдет ли она к нему в комнату, но она этого не сделала.

Может быть, тишина в доме была достаточно умиротворяющей, чтобы она поняла, что все было хорошо.

Так как меня сильно тошнило от перенесенного волнения, я заставила себя оторваться от его груди и встать с постели.

После последнего взгляда на его красивое лицо... Прикосновения к его подбородку кончиками пальцев... Наблюдения за тем, как его глаза двигались под его веками...

Я поцеловала его в нос.

Один поцелуй.

Прежде, чем я смогла отговорить себя, я оделась и тихонько вышла из дома, не оглядываясь назад.

Я не могла вынести мысли о том, чтобы провести там ночь и проснуться с ним лишь для того, чтобы попрощаться. Или заставить его передумать и остаться из-за меня.

Ему нужно уехать.

Так было, пока я не села за руль своей машины, и реальность происходящего не подкосила меня.

Я потеряла девственность с мальчиком, которого любила.

И он уезжает меньше, чем через двадцать четыре часа.

Я плакала всю дорогу домой, позволяя себе почувствовать то, что произошло и принять все таким, каким оно было на самом деле.

Пути назад уже не было.

Это было неизменным и чем быстрее я оплачу потерю и вытерплю эту боль, тем быстрее я смогу сосредоточиться на других вещах и двигаться дальше.

* * *

Я не верю, что есть такая вещь, как обычная любовь. Любовь — покоряющая. Любовь — ломающая.

Любовь — это постоянное узнавание другого человека, пока вы не сойдете с ума от того, что он никогда не будет совершенным и идеальным, но в этом нет ничего страшного — в попытках узнать человека до конца.

Я любила мальчика, который был действительно необыкновенным, и не только в моих глазах.

Я не думаю, что когда-либо хотела, чтобы моя жизнь была особенной, но это было до него.

С ним моя жизнь оказалась наполнена цветом и ощущением чувства прекрасного. На какое-то время у меня было это.

Я думала, что, возможно, он узнал от меня столько нового, сколько и я узнала в общении с ним.

Знаю, это не было для него простым.

И я не могла начать желать, чтобы этого никогда не было. У меня и мысли не было о том, чтобы жалеть об этом, я ни на секунду не пожалела, что когда-то мы были вместе.

Чего я хотела, так это чтобы он видел меня и хотел, чтобы я была с ним.

Чего я хотела, так это чтобы он сказал, что любит меня. Сказал словами, и на самом деле имел это в виду, по-настоящему.

Я нуждалась в этих вещах, которые были вне моей досягаемости, но продолжала надеяться.

И это произошло.

Он всегда будет милым и добрым.

Он всегда будет тем мальчиком, за которого я так сильно боролась.

Но когда мы расстались, я не была уверена, что все это сохранится.

Я беспокоилась об изменениях в его распорядке, что он не захочет или не сможет адаптироваться к новому окружению. Я была благодарна тому, что у него был кто-то из музея, кто присматривал за ним, но мне было интересно, знали ли они его так, как я. Собирались ли они тратить свое время и свои усилия, чтобы действительно узнать и предложить то, что ему нужно.

Мне было интересно, скучал ли он по мне, вспоминал ли.

Не было никакого стыда в том, что мне было грустно, и у меня было разбитое сердце из-за того, что я не могла все изменить.

И не было никакой магической формулы, нет машины времени, чтобы вернуться в прошлое. Есть только то, что с нами происходит, и как мы справляемся с этим.

Я совершала ошибки во многих вещах. Но никто не мог сказать, что я не старалась изменить или исправить их.

Когда я представляла лицо Колтона в момент его посадки в самолет со своим наставником, мое сердце снова разбивалось. И я ничего не могла с этим поделать, это было не в моей власти.

Я просто хотела, как можно скорее перенести свои мысли и чувства на бумагу, пока они были свежи и ощущались реальностью, до того момента, когда это не стало бы прошлым, и я перестала бы постоянно оглядываться и вспоминать то, что произошло.

Но мне сложно быть беспристрастной.

Я всегда надеялась на то, что это сработает между нами, но даже если не сработало, думаю, что могу сказать о том, что я действительно благодарна за возможность встретить кого-то, как Колтон, и тем более влюбиться в него.

Я просто продолжала говорить себе это.

Каждый день.

Все триста и шестьдесят пять из них.

Это могло быть тем моментом, где наша история заканчивается.

И миллион раз безумно больно от того, что это могло быть правдой.

Так и есть.

Потому что независимо от того, где и с кем находится мое сердце, мое тело еще здесь.

Возможно, в большинстве фильмов это действительно выглядит бесславно, но не в реальной жизни.

И, возможно, тогда у нас не было таких больших ожиданий, и было чувство разочарования от того, что в нашей жизни все происходит именно так.

Кто знает?

Возможно, когда-нибудь я буду его, а он будет моим.

И, возможно, пространство и время не имеют значения потому, что мы созданы друг для друга.

Но я не буду слишком на это рассчитывать.

Жизнь не всегда идет так, как мы загадываем.

Больше всего я хочу, чтобы он был счастлив.

И возможно, однажды, я тоже буду счастлива.

ЭПИЛОГ

Было время, когда я верила, что не влюблюсь. Но это случилось.

За этим последовала мысль, что мальчик, в которого я влюблюсь, никогда не полюбит меня в ответ.

Но он любил.

И он любил меня самым лучшим способом, который он только знал.

Прошло четыре месяца с тех пор, как Колтон уехал в Англию.

Мои страхи стали уменьшаться именно с того момента, когда я впервые увидела его лицо через Skype.

По началу он не так много смотрел мне в глаза, и его внимание отвлекалось от меня на окружающие его вещи, особенно на его наставника, который слишком громко смотрел телевизор.

Но мы научились.

Он должен был определить для себя свой собственный путь. Завести друзей. Приспособиться к переменам.

Я могла сказать, что даже в эти краткие мгновения, когда я была с ним, он менялся.

Мне было тяжело осознавать, что я не участвовала в этом. Но возможно, я все-таки хоть каким-то образом участвовала.

Так что мы продолжали участвовать в нашей рутинной действительности.

Каждый четверг в восемь часов у меня на Skype был видеозвонок.

В это время я всегда была в общаге. И моя соседка оставляла меня одну в комнате, о чем у нас с ней было соглашение.

— Я скучаю по тебе, — я наблюдала за его лицом на экране, в то время как он смотрит меня.

— Я буду дома через двадцать семь дней.

Я улыбнулась:

— Знаю. И я очень рада.

— Я счастлив, что ты рада этому, — он усмехнулся, но имел в виду именно это.

— Есть что-то, что бы ты хотел сделать по приезду домой?

Он кивнул, его внимание сосредоточилось на левой части экрана:

— Я бы хотел поцеловать тебя, если ты не против.

— Думаю, это можно устроить.

* * *

Первый семестр колледжа был для меня стрессовым, но в краткие моменты с Колтоном на меня снисходило какое-то умиротворение.

Домашних заданий по учебе у меня было очень много, сказала бы, что выше крыши, но я не могла сказать об этом парню за экраном.

Я приложила массу усилий, чтобы познакомиться с новыми людьми.

Ходила на вечеринки. Осваивала колледж.

Моя дружба с Харпер не пострадала — я не позволяла расстоянию и новым друзьям, которых мы завели, изменить те отношения, которые у нас были.

Дружба, как однажды сказал мой парень, важна.

Но я была далеко.

И у меня было время, чтобы снова найти себя.

Самая лучшая вещь была в том, что я все решала самостоятельно. Я сфокусировалась на себе. Поставила цели, которые должна была достичь самостоятельно и в одиночку.

И у меня было много достижений в жизни.

Я не умерла.

Окончила школу.

Поступила в колледж по собственному выбору.

Но я никогда не называла любовь к Колтону достижением.

Это была честь. Это изменило меня.

На самом деле, это сделало меня тем человеком, которым я пыталась стать все те года.

Поэтому я не думаю, что это стало неожиданностью для кого-то, что время, проведенное с моим парнем, заставило меня взглянуть на вещи в новом свете.

Я никогда бы не стала таким человеком, если бы не встретила его.

Если я была способна изменить одну человеческую жизнь, то почему не могут другие?

Возможно, однажды я воспитаю собственный класс **ОСОБЕННЫХ**, и какой-нибудь милый парень, прислонившись к стене в коридоре, скажет девушке, которая любит его, то, что она хочет услышать от него.

И я буду там, чтобы увидеть, как это произойдет.

Ночью я сделала важное заявление и, как это ни странно, когда он спросил меня о нашей ситуации, это было что-то новое в нашем общении.

— Ты хочешь, чтобы я не оставлял тебя?

— Конечно. Я скучаю по тебе. Я хотела бы, чтобы ты был здесь каждый день. Но ты рад, что уехал, верно? Взгляни на все свои достижения.

— Я бы хотел, чтобы ты поехала со мной.

— Я тоже.

Это было тем, что мы не обсуждали прежде, и мое сердце болело, когда мы завершили звонок.

Я часто думала о нем, и постоянно переживала.

Думала, что, возможно, когда он придет домой на Рождество, все будет по-другому, и что большое расстояние между нами сделало свое дело — мы перестали быть близки друг другу настолько, насколько были до его отъезда в Англию.

Возможно, это было бы как обычный голливудский фильм, где сюжет наконец-то подошел к своему логическому завершению.

Но мы были больше, чем это.

Когда настал тот день, я стояла рядом с Шейлой, держа ее за руку, и подняла желтую табличку с именем моего парня, когда его самолет приземлился.

Я не удивилась, что он сперва обнял свою маму.

Но только потому, что как только его руки обвились вокруг меня, он не отпускал меня. Ни в аэропорту. Ни в машине. Он едва ослабил их у своего дома, чтобы поприветствовать

своего отца.

Иначе говоря...

Ничего не изменилось. По крайней мере, не в худшую сторону.

Нет, на самом деле, это ощущалось в сотни раз лучше.

После длительного расставания наше воссоединение оказалось намного слаще моих фантазий.

Он пах также. Ощущался так же. Его глаза неотрывно следили за моим лицом, пока он улыбался, и произносил мое имя снова и снова, в то время как я целовала его, чтобы успокоить его лихорадочный шепот.

Я осталась у него дома и мои родители не были против. Я была уже взрослой, и могла принимать самостоятельные решения, и пока Нили не возражали, я могла так поступать.

Рождественским утром я держала руку Колтона, пока его родители укладывали подарки вокруг нас.

Прямо перед тем, как мы стали их разворачивать, пришли мои родители.

Мне стоило подумать, что это было несколько необычно, но, в конце концов, это было Рождественское утро.

Они устроились у камина, и раздали свои подарки, пока мы были окружены чем-то вроде стены из праздничной бумаги и блестящими серебряными лентами.

Не заняло много времени, чтобы открыть каждую коробку.

Мы обменялись благодарностями и, когда я была готова переодеть пижаму и принять душ, миссис Нили наклонилась передо мной и положила конверт на мои колени.

— Что это?

Я предчувствовала, что это был еще один пропуск в музей, поэтому сузила глаза, готовая сказать ей, что я действительно не нуждаюсь в них, так как ее сын имел неограниченный доступ к экспонатам.

Но как только я открыла рот, мой парень прервал меня:

— Мы спросили твоих родителей, и они согласились.

Я уставилась на него в замешательстве, в то время как держала конверт в руках:

— Это же пропуски в музей, верно?

Мистер Нили наклонился вперед, и я мельком увидела свою маму, как она прикрыла рот рукой и слезы навернулись на ее глаза. Мой отец сделал глубокий вдох, и громко выдохнул.

Шейла вытянула руку и пробежалась пальцами по моей щеке:

— Мы хотим, чтобы ты поехала.

Мои пальцы дрожали, пока я разрывала конверт, и я ахнула, поняв, что держу в руках.

Авиабилет!

— Действительно?

Колтон ответил, и его голос был твердым и непоколебимым:

— Я хочу, чтобы ты была там, Лили.

Я почувствовала, как слезы наполняют мои глаза:

— Ты уверен? Точно? Ты точно уверен?

Он нуждался, чтобы я поехала с ним, чтобы я могла быть там, и могла убедиться, что он в порядке. Чтобы он продолжал делать то, что делал и не чувствовал себя одиноким.

Он хотел меня.

— Я уверен на сто процентов.

— Самолет третьего числа, — голос мамы дрожал, и мой папа положил руку на ее голову.

Мой мозг кипел от взрывающих его вопросов и каждого обещания завтрашнего дня, от предвкушения.

Я смотрела на своего парня, и видела, каким он был на самом деле — со светящейся улыбкой, счастливым. Его глаза, наконец-то, смотрели в мои намного дольше, чем обычно.

Голливудский фильм все-таки получил свой счастливый конец.

И хотя дорога к счастью была наполнена шишками и синяками, всегда оставалась надежда на счастливый конец.

Я тому живое доказательство.

Мое образование больше не будет ограничено стенами кирпичного дома, пока я сижу на пластиковом стуле.

Больше нет.

Жизнь — это значит жить, и если вам предлагают шанс испытать исключительные вещи с необыкновенным человеком, то нет ни одной причины в мире, чтобы сказать «нет».

Так и было.

Я сказала «да», потому что наша любовь не отличается от какой-то другой любви.

Она наша и это главное.

Это правдивая история о девушке, которая влюбилась в парня.

Ничего больше.

Ничего меньше.

И я бы не хотела ничего другого.

Больше книг на сайте - Knigolub.net